

Т.Н. СМЕКАЛОВА

КУРГАНЫ В ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

І. Предгорный Крым¹.

Тысячи курганов возвышаются в степях Северного Причерноморья. Они нарушают визуальную монотонность степных пространств и создают ощущение монументальности ландшафта, являясь его гармоничным дополнением. Курганы неотделимы от степного пояса нашего континента. Можно сказать, что они порождены степью, вернее, степными, в основном, кочевыми, народами. Рассмотрим кратко природные особенности степей, составляющие их своеобразие и определяющие образ жизни и занятий древних людей, их населявших.

Степи – зональное явление, они есть на всех континентах, кроме Антарктиды. Степи формируются во внутренних частях континентов, и размеры степных площадей прямо пропорциональны размерам материков (рис. 1). Степная ландшафтная зона – устойчивый во времени и в пространстве комплекс. Современные границы степной зоны на Русской равнине установились в начале послеледниковья и с тех пор почти не изменились [Чибилёв, 1990, с. 18].

Еще в 1807 г. русский географ Е.Ф. Зябловский верно отмечал, что степь является господствующим ландшафтом равнин юга России на всем их протяжении, от низовьев Днестра, через Буг, Днепр, Дон и далее на восток за Волгу и Урал [Зябловский, 1831]. Степь неразлучно связана с континентальным климатом. Зимой, вследствие сильного охлаждения материка, над территорией Монголии и Сибири формируется устойчивый мировой максимум атмосферного давления, который в географическом центре Азии, в Туве достигает (более 1036 гПа) [Чибилёв, 1990, с. 48]. Зимой через всю Евразию проходит полоса высокого давления, которая простирается через Казахстан до причерноморских степей и далее на запад по линии Монголия – Кызыл – Уральск – Саратов – Харьков – Кишинев – Южная Франция. Центральная линия этой полосы называется большой осью материка, или осью Воейкова. В зимние месяцы эта ось является важнейшим ветроразделом: к северу от нее дуют ветры западные и юго-западные, влажные и относительно теплые, к югу, то есть в степях, преобладают сухие и холодные восточные и северо-

¹ Работы проводятся при финансовой поддержке гранта РФФИ 08-06-00374-а «Комплексное исследование курганов в культурно-историческом ландшафте Северного Причерноморья».

ро-восточные. Летом ось Воейкова в менее активном состоянии продолжает сохраняться. В целом главные климатические особенности степей определяются сибирским антициклоном, который В.Г. Мордкович назвал «прожектором, выбрасывающим степной луч на запад» [Мордкович, 1982]. Естественно, что действие этого луча к западу постепенно ослабевает. Так, средняя температура января в причерноморских степях -6 град., сумма осадков 330 мм, средняя годовая амплитуда температур 27 град. Те же показатели для Тувы - -39 град, 98 мм и 53 град. В степной зоне Евразии в течение года наблюдается пять типов климатического режима: зимой – арктический, в начале весны – режим тундры, сменяющийся режимом лесной зоны, летом – свой степной режим, во время суховея наблюдается пятый режим – пустынный. Взаимодействие различных типов климатического режима приводит к частой смене экологических ситуаций в степи [Чибилёв, 1990, с. 50].

Несмотря на некоторые локальные различия, для степей характерны присущие только им общие природные условия. Вся степная зона характеризуется сухим континентальным климатом, безлесием водоразделов, господством травянистой, преимущественно, злаковой растительности на черноземах, темно-каштановых и каштановых почвах. Своеобразие степных природных условий определило и тип степного образа жизни, хозяйственного уклада, культуры народов, обитающих здесь.

Одна из характернейших черт степной зоны – ее безлесье. Со времен экспедиций П.С. Палласа (1768-1774 гг.) широко распространилось мнение о вторичности безлесия степей, согласно которому леса в степях были уничтожены человеком. В настоящее время это явление, скорее, объясняется комплексом природных факторов, и, прежде всего, неблагоприятным сухим климатом, засоленностью почв, конкуренцией мощного степного травостоя, равнинностью рельефа, обуславливающей недостаточный дренаж местности. Но, безусловно, многие островки лесной и кустарниковой растительности в степях еще в древности исчезли из-за хозяйственной деятельности людей.

Происхождение общеиндоевропейского термина «степь» до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Некоторые исследователи сближают это восточнославянское слово с иранским *tarān* – «плоский». Наряду со словом «степь» употребляется множество других терминов. Приведем здесь только пример тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских названий, для которых обычен топоним «дала», «тала», например, пустыня Бетпакдала, урочище Карадала и т.д. [Чибилёв, 1990, с. 22]. Семейство тюркских степных топонимов продолжает термин «алан» и близкие ему «аланг», «ялам», «чалан», например, на одном из чувашских диалектов «ялан» - «степь», в Хакасии «чалан» - «равнина», «степь». С тюркским «алан» связаны русские «ялань» и «елань» - «безлесное степное место». Вероятно, аланы – народность кавказских и причерноморских степей и предгорий римского времени, получили свое название от термина «алан», обозначающего «степь».

Материалы исследований четвертичного периода показывают, что в степях люди жили намного раньше, чем в лесной зоне. Возможности для жизни как древнего человека, так и животных сложились здесь около миллиона лет назад. В степи стало возможным одомашнивание ценнейших копытных животных, появились такие изобретения, как колесо и телега, что явилось основой подвижного скотоводства.

Помимо номадо-скотоводческого, в степи существовал также и земледельческий вид природопользования. Земледелие и скотоводство были известны уже в V тыс. до н.э. племенам трипольской культуры. Носители ямной и катакомбной культур в III тыс. до н.э. также осваивают скотоводство и земледелие. Степь, таким образом, являлась универсальным источником пищевых ресурсов с древнейших времен. Известный географ А.Н. Бекетов называет южнорусскую степь также «пшеничною старою», выделяя чисто степной южный пояс, доходящий до Крымских гор и предгорий Кавказа, находящийся в зоне преобладания восточных ветров и климата, имеющего «азиатский характер» [Бекетов, 1896].

Реки образуют своеобразные «зеленые коридоры» через знойные степные ландшафты. Особенно выделяется Днепр, пойма которого называлась до сооружения плотин и искусственных морей во второй половине XX в. «Великим лугом». Недаром Геродот называл Днепр величайшей рекой после Истра и самой полноводной после Нила. Он писал, что долина Днепра представляет собой прекраснейшие и изобильнейшие пастбища для домашнего скота, а также плодородные пахотные угодья (Herod., IV, 53). Вдоль Днепра располагались основные памятники оседлости скифов [Гаврилюк, 1999, с. 68-85]. Добавим, что и другие реки были чрезвычайно важны для древних обитателей степей, такие, например, как Ингул и его притоки Ингулец и Висунь. Именно вдоль этой водной системы находится великое множество курганов, в том числе и крупнейшие, «царского» ранга, о чем пойдет речь ниже.

Чернозем, один из самых плодородных видов степной почвы, дал начало земледелию. Особенностью растительности степей является низкий травянистый покров с преобладанием узколиственных дерновинных злаков, имеющий мощную корневую систему. Степи обладают способностью к быстрым трансформациям: накоплению питательных веществ, и к разложению их до минеральных составляющих. И.К. Пачоский остроумно назвал степи «лесом кверху ногами» [Пачоский, 1907, 1917]. Корневая система в 10-20 раз превосходит по массе надземные органы. Степные растения на 90-95% расположены в верхнем полуметровом слое почвы.

Возникновение черноземных почв объясняется широким развитием лугово-степной и степной травянистой растительности. Э.А. Эверсманн выделил признак плодоносных степей – два вида ковылей: перистый и тырсу. Он писал: «где только растет ковыль, должен уродиться и хлеб» [Эверсманн, 1840]. Вероятно, древние люди тоже хорошо знали эту особенность.

Неотъемлемой частью евразийских степей на всем их протяжении являются курганы. Несмотря на то, что курганы относятся к самым различным эпохам, отличаются величиной, взаимным расположением, количеством погребений внутри них и другими параметрами, имеются определенные закономерности их расположения в ландшафте, которые были продиктованы природными или историческими условиями.

Сооружение курганов

Одинаково загадочными кажутся причины, которые обусловили начало и конец практики возведения курганов. Появление первых курганов соответствовало созданию новой концепции окружающего пространства и особым представлениям о загробном мире. Более поздние курганы, возможно, отчасти имитировали курганы прошлого.

Первые курганы в Северном Причерноморье возникают в эпоху развитого и среднего энеолита, когда здесь произошел переход от охоты и собирательства к активно влияющему на природу скотоводству и земледелию [Подгородецкий, Щепинский, Шумская, 1983, с. 62]. Большинство исследователей склонно датировать массовый переход к кочевническому скотоводству рубежом II-I тыс. до н.э. и началом I тыс. до н.э., хотя в отдельных районах евразийских степей этот переход мог произойти раньше или позже указанного срока [Хазанов, 1975, с. 23]. В это время, вероятно, возникает и первая социально-экономическая дифференциация общества. Возможно, что именно занятие отгонным скотоводством послужило причиной возникновения культуры насыпания курганов. Неспроста курганы характерны, в основном, только для степей, так как единственная возможность сделать видимыми могилы предков в условиях однообразного степного ландшафта – воздвигнуть курган над погребением. При миграциях населения в пределах значительных территорий, курганы, изначально сугубо погребальные памятники, сразу же становились заметными точками в пространстве, лишенном каких-либо ориентиров, играя роль монументального знака, маркера.

Сооружение кургана требует существенной коллективной затраты труда, поэтому и возникновение первых курганов могло соответствовать только той стадии развития общества, когда уже сложились достаточно большие коллективы родственников или соплеменников, которых можно было организовать на подобные работы. Работа по сооружению курганов могла быть тем связующим звеном, который объединял весь коллектив. Эти коллективы появляются при переходе от присваивающего типа хозяйствования к производящему тогда, когда возникает необходимость в трудоемких сельскохозяйственных работах. В это время появляется и первый прибавочный продукт, а, следовательно, и возможность затрат усилий коллектива на непродводящие, но чрезвычайно важные, с точки зрения древних сообществ, виды деятельности, в том числе, на сооружение курганов.

С помощью простейших землеройных орудий эпохи энеолита даже небольшой курган высотой 0,5-1 м, диаметром 8-20 м, объемом 45-50 м³ мог быть насыпан из грунта коллективом численностью не менее 20-25 чел. в течение 1-2-х дней [Белов, Ляшко, 1991, с. 29; Семенов, Коробкова, 1983, с. 84-88]. В случаях сооружений курганов высотой 3-4 м с каменными или деревянными конструкциями, безусловно, требовались гораздо большие затраты труда, и, соответственно, привлечение более многочисленных коллективов. Однако масштабы этих работ несопоставимы с поистине грандиозным размахом строительства крупнейших скифских курганов IV в. до н.э., где, по подсчетам разных авторов, одновременно работали 1000-1500 человек в течение одной-двух недель [Мозолевский, Полин, 2005, с. 252-253; Грязнов, 1950, с. 13-15; Руденко, 1952, с. 56; 1960, с. 30-32; 328-329; Мозолевский, 1979, с. 167]. Объем насыпи одного из двух самых крупных скифских курганов, Чертомлыка и Огуза, составлял от 82 до 117 тыс. кв.м (рис. 2), это уже не дома для мертвых, а, скорее, дворцы для них, наполненные умерщвленными слугами, конями, престижной утварью [Болтрик, 2004, с. 85].

Безусловно, размеры скифских курганов и особенности подкурганых сооружений говорят о социальной структуре общества и статусе погребенного, а также отражают эволюцию и произошедшее расслоение общества. Если в архаический период погребения скифов были предельно простыми и они впускались в курганы эпохи бронзы, то в V-IV вв. до н.э. происходит процесс усложнения погребального ритуала. Наибольшая дифференциация подкурганых погребений наблюдается для второй половины IV в. до н.э., когда появляются целые погребальные комплексы со сложными планировочными схемами.

Размеры насыпи в сочетании с другими признаками захоронений, безусловно, отражали социальный статус погребенного [Болтрик, 2004, с. 85]. В качестве ранжирующего признака разные исследователи предлагают несколько критериев оценки курганов: их размеры и уровень престижности сопутствующего инвентаря [Мозолевский, 1979; Бунятян, 1985], трудоемкость погребальных сооружений, наличие и количество погребенных зависимых лиц, число конских жертвоприношений, количество изделий из драгоценных металлов [Курочкин, 1980, с. 106; 1991, с. 19]. Однако на практике ими пользоваться трудно, главным образом из-за ограбленности большинства курганов. Все исследователи единодушно признают размер кургана одним из наиболее важных критериев, так как он реально отражает затраты труда на сооружение кургана. Поэтому наиболее адекватным является, вероятно, критерий объема насыпи, предложенный Ю.В. Болтриком [Болтрик, 2004, с. 86]. Согласно этому критерию все скифские курганы Нижнего Днепра можно разбить на шесть категорий («цари» Скифии, члены царской семьи, родственники царя, «колпаконосцы» первого и второго уровней, простые скифы) (там же, с. 88). Таким образом, раскрывается многоуровневая структура, ключ к интерпретации которой можно найти в известной новелле Лукиана (Скиф или гость, 1), где говорится, что

некто Токсарис происходил не из царского рода и не из колпаконосцев, а из толпы простых скифов, так называемых «восьминогих», т.е. владельцев пары быков и одной повозки. Возможно, что этими категориями не исчерпывается вся структура скифского общества. Так, еще Геродот говорил о номархах, которые раз в год собирают скифов из своего нома и угощают тех, которые убили врагов, вином из кратера (Herod., IV, 66). Можно ли идентифицировать номархов с колпаконосцами, или они составляют две разные социальные категории, остается пока неизвестным. По крайней мере, по схеме деления скифского общества в IV в. до н.э., предложенной Ю.В. Болтриком, социальных категорий оказывается больше, чем только те, которые нам известны из письменных источников. Мне представляется, что у оседлой части скифского населения мог быть несколько иной характер социального расслоения, и темпы его могли быть другими, что связано с различиями в характере и процессе накопления прибавочного продукта за счет земледельческого труда по сравнению с кочевым.

У кочевых племен основные признаки классового общества и государства, такие, как централизованный аппарат эксплуатации и управления, четкая классовая иерархия, собственность на землю, своды законов, письменность, имели несколько аморфный, незаконченный характер или отсутствовали вовсе. Необходимость и возможность возникновения государственных форм предполагают также наличие товарного хозяйства и финансов, которые в скифском обществе существовали в зачаточном состоянии [Ельницкий, 1977, с. 197], и, возможно, начали развиваться в IV в. до н.э. только под воздействием греческих центров в связи с выращиванием зерна оседлыми племенами, подвластными скифам-кочевникам для торговли. Хотя во времена Геродота Аттика еще не жила за счет черноморского хлеба, древний историк уже рассказывает о скифах-земледельцах, производящих зерно не для собственного употребления, а для продажи (Herod., IV, 17). Скифские царские племена облагали данью не только соседские кочевые и оседлые племена, но и греческие города, что способствовало дальнейшей социальной стратификации скифского общества.

Скифская культура на всем протяжении ее истории оставалась бесписьменной. Вероятно, законы передавались устно, так как это делали агафирсы, родственные скифам, которые, по свидетельству Аристотеля (Problem., 19, 28), «пели» свои законы.

У кочевников основным прибавочным продуктом был скот, в меньшей степени сокровища (драгоценные металлы). Прочность и стабильность процесса классового образования находилась в прямой зависимости от прочности и неотчуждаемости предметов накопления. В результате природных катастроф (особенно снежных заносов и гололеда), а также удачных военных набегов вражеских племен богатство кочевников могло быть полностью потеряно и не могло быть восстановлено в один год. Поэтому процесс классового образования у кочевников оказался чрезвычайно растянутым, а формы его нечеткими [Черников, 1978, с. 78].

На первых порах процесс классового образования протекал, вероятно, без коренной ломки родовых отношений, формы государственности еще не имели законченных очертаний. Так, например, благодаря организации, напоминающей государственную, и в результате удачно организованной борьбы «царями» - племенными вождями обороны, а также беспрекословного подчинения им всего населения огромной территории, несмотря на межплеменные разногласия, скифы успешно справились с вторжением в свою страну войск Дария [Черников, 1978, с. 79].

Одним из внешних признаков обществ, обладавших более или менее развитыми государственными структурами, является, как известно, наличие памятников монументальной архитектуры, таких, как храмов, дворцов или сложных погребальных комплексов [Болтрик, 2004, с. 85]. Практически, единственными сооружениями, оставленными кочевым скифским обществом, являются курганы, как рядовые, так и гигантские, со сложнейшими подземными гробницами. Поэтому изучение особенностей монументальных курганных могильников может помочь в решении вопроса о степени развития государственности в скифском обществе, а анализ территориального их размещения - о государственном делении Скифии. Пионером в этом вопросе является Б.Н. Мозолевский, который провел скрупулезную и очень интересную работу по изучению распределения крупнейших курганов в степях Северного Причерноморья с помощью детальных карт и последующих археологических разведок. На всей территории Скифии он выявил по крайней мере 36 скифских курганов «царского ранга» высотой от 8 до 15 м², которые группируются в три ареала, причем оказалось, что, помимо давно известного сосредоточения памятников скифской аристократии вокруг каменко-никопольской переправы (предполагаемый Геррос), существуют еще два компактных могильника этого типа. Один из них расположен на р. Висунь (Николаевская обл.), второй – к северу от Белогорска (урочища Беш-Оба и Ак-Кая в Крыму)³. Наличие в степях Северного Причерноморья трех, и только трех, курганных могильников позволило автору сопоставить этот факт с сообщением Геродота о делении Скифии на три царства, и на основании этого разработать оригинальную концепцию по этногеографии и политическому устройству Скифии IV в. до н.э. [Мозолевский, 1986, 1990, с. 134-138, Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 179-222; Мозолевский, Полин, 2007, с. 46]. Необходимо подчеркнуть, что именно Б.Н. Мозолевским был впервые определен статус Белогорского курганного поля как могильника высшей скифской знати.

² К 1990 г. за всю историю археологически было исследовано 13 «царских» курганов. Б.Н. Мозолевским было выявлено еще 60 крупнейших курганов, но в ходе осмотра было установлено, что 23 из них являются скифскими.

³ Оба эти могильника будут рассматриваться более детально далее.

Курганы возводились из наиболее органичного и живого из всех земных материалов – непосредственно из самой земли, из ее наиболее плодородной части – верхнего гумусного слоя. Насыпи большинства скифских курганов, по многочисленным полевым наблюдениям археологов, складывались из пластин дерна [Древности, 1846, с. 6; Спицын, 1910, с. 72-73; Макаренко, 1916, с. 267-269; Лесков, 1974, с. 52-54; 1981, с. 157-158; Черденченко, 1976, с. 404; Фридман, 1987, с. 159; Евдокимов, Фридман, 1987, с. 85; 1991, с. 75, 81; Мозолевский, Полин, 2005, с. 247]. Поверхность вновь сооруженного кургана сразу же после его постройки «оживала», оправляясь от ран и шрамов, нанесенных во время нарезки дерновых блоков и включалась в общий процесс почвенного развития. Это делало курганы неразрывной частью природного ландшафта и одновременно обеспечивало их практически вечную сохранность, стабильность и стойкость, наилучшую из всех известных рукотворных сооружений. Повредить курган мог только сам человек, никакими природными силами, такими, как землетрясения, ливни, деятельность животного и растительного мира, его нельзя было разрушить.

Для того, чтобы соорудить крупнейшие скифские курганы, необходимо было снять почвенный слой на довольно значительной площади. Так, знаменитый курган Чертомлык сложен из пластин дерна размером 15 x 25 x 20 см; по разным подсчетам для сооружения его насыпи был снят верхний гумусный слой на площади от 35 до 75 га [Мурзін, Ролле, 1989, с. 93; 1991, с. 171; Кламм, Фиброк, Мейер, 1991, с. 306]. Неудивительно поэтому, что древние общины оседлых племен более «экономно» относились к ресурсам плодородной почвы в округе поселений. Курганные группы выносятся, как правило, на неудобные для пахоты участки, каждое погребальное сооружение используется для многократных подхоронений. Размеры курганов невелики, что, впрочем, определялось, скорее, не столько желанием уберечь почвенный покров, сколько трудовыми ресурсами относительно небольших семейных или родовых коллективов.

Более ранние курганы, эпохи неолита и бронзы, а также некоторые скифские курганы, например, Мелитопольский, могли сооружаться из грунта, глиняных вальков или примитивных сырцовых кирпичей [Тереножкин, 1955, с. 30], то есть из блоков, сформованных из предварительно замешанного грунта [Мозолевский, Полин, 2005, с. 249]. По наблюдениям, сделанным в июле 2007 г., насыпи крупнейших длинных курганов могильника Мамай-Гора, могли сохранить значительную крутизну своих склонов только благодаря тому, что они сооружались из плотного глинистого грунта (рис. 3) [Андрух, Тощев, 1999; Андрух, 2001; Андрух, Тощев, 2004; Смекалова, 2008]. Наиболее крутые северные склоны имеют восточный и западный длинные курганы Мамай-Горы – не менее 47-50° при высоте курганов 4-5 м и длине 80-86 м (отмечены цифрами 1 и 3 на рис. 3). Крутизна остальных их склонов 20-25°. На мой взгляд, удивительную крутизну северных склонов длинных курганов можно объяснить только тем, что для постройки их насыпей использовалась глина, а не дерновые блоки.

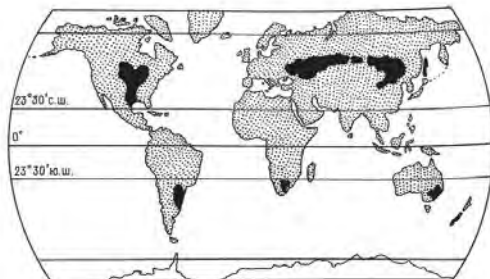

Рис. 1.

Рис. 2.

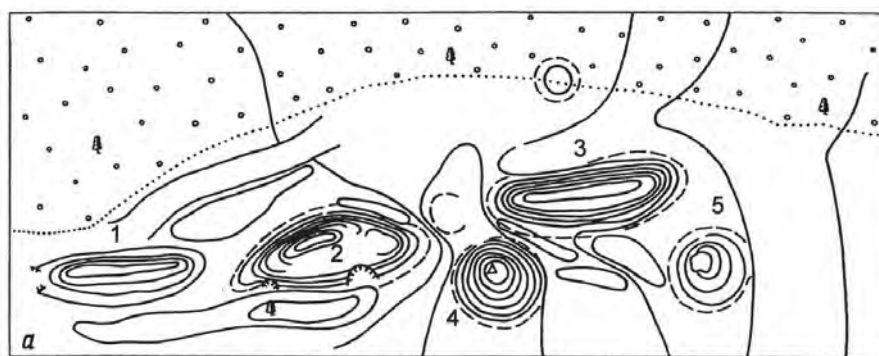

Рис. 3.

Рис. 1. Степные ландшафты на карте мира [Чебелёв, 1990, с. 8].

Рис. 2. Раскопки Н.И. Веселовского кургана Огуз в 1893 г. ФА ИИМК, Q404-22.

Рис. 3. Топографический план могильника на Мамай Горе [Болтрик, 1990, с. 37].

Глина, вероятно, бралась тут же, у подножья воздвигаемых курганов, так как она является здесь материковой породой, в результате чего и образовались рвы и западины, окружающие курганы, хорошо видимые и сейчас в рельефе местности. Данное наблюдение говорит о том, что, вероятно, в более раннее время курганные насыпи делались и из материкового грунта тоже. В отличие от длинных курганов, крутизна северного склона большого круглого кургана (отмечен цифрой 4 на рис. 3) из могильника Мамай Гора составляет всего 30° (остальные склоны имеют крутизну от 20 до 25°). Выбросы из многочисленных нор грызунов на поверхности этого кургана имеют цвет и структуру чернозема, что позволяет предположить, что он сооружен из брикетов дерна, как и многие скифские курганы.

Асимметрия курганов, по мнению многих исследователей, к которому и я присоединяюсь, определялась технологическими приемами их создания (Веселовский, 1911, с. 104; Тощев, 1990, с. 63). Вероятно, материал для сооружения насыпей курганов, например, на Мамай-Горе, подвозился на телегах по южным, западным и восточным склонам, которые оставались более пологими, в то время как северные склоны в процессе укладки грунта приобретали большую крутизну. Явную асимметрию имеют крупнейшие Ак-Кайские и Беш-Обинские курганы в Центральном Крыму, близ г. Белогорска. У каждого из них наиболее длинными и пологими являются восточные и южные склоны, а наиболее крутыми – западные и, особенно, северные стороны. По данным магниторазведки трех крупнейших курганов в урочище Беш-Оба и раскопок одного из них (кургана IV), в восточных склонах располагаются дромосы, ведущие в центральную гробницу [Колтухов, 2006, с. 232-233, 245; Смекалова и др., 1999; Smekalova et al. 2005].

Там, где почвенный слой был недостаточно мощным, курганная насыпь могла сооружаться из камней мелкого и среднего размеров. Такие полностью каменные курганы можно наблюдать на Тарханкуте, особенно, на его южном берегу, а также в районе Джарылгацкого озера. Подобные же курганы, насыпанные над каменными гробницами в виде каменных ящиков, распространены были в Керченском Приазовье [Масленников, 1995].

Курганы в ландшафте

Сейчас уже общепринятым является мнение, что курганы, располагающиеся длинными цепочками в степи, отмечают древние дороги и сухопутные тракты [Болтрик и Фиалко, 1987, Болтрик, 1990]⁴. Мне бы хотелось уточнить, что как цепочки, так и вытянутые на огромные расстояния, иногда несколько разветвленные, непрерывные группы курганов, идущие преимущественно

⁴ Необходимо сделать одно замечание в связи с реконструкцией Ю.В. Болтриком сухопутного пути из Крыма на Каменское городище через Арабатскую стрелку [Болтрик, 1990, с. 39-40].

в меридиональном направлении, вероятно, маркируют традиционные пути сезонных миграций того или иного кочевого племени или группы племен, которые проходили через места с наиболее богатыми пастбищами и водоемами. Поэтому курганы в таких группах несут двойную нагрузку, являясь, с одной стороны, путевыми ориентирами, а с другой, знаками племенной собственности на пастбища. Они являются растянутыми на многие километры родовыми кладбищами, поэтому мы вправе ожидать, что типы погребений в таких гигантских могильниках будут сходными. Выделенные нами кочевья территориально близки локальным группам погребальных памятников, по В.С. Ольховскому, который отмечал неравномерность расположения курганов в Приднепровье, что нельзя объяснить только недостаточной изученностью, а также тяготение курганных групп к рекам [Ольховский, 1991, с. 96, 97]. Ареалы предполагаемых сезонных кочевий имеют территориальную протяженность преимущественно в меридиональном направлении, часто вдоль главных рек: Днестра, Буга, Ингульца-Висуни, и, конечно, Днепра. Вдоль Днепра и Ингульца очень четко видны небольшие группки мелких курганов, которые, возможно, оставлены оседлым населением, поэтому мы вправе ожидать нахождения поселений рядом с каждой такой группкой.

Внутри вытянутых протяженных групп курганов должна была обеспечиваться перекрестная видимость так, чтобы от одного кургана был виден другой. В степных условиях, при отсутствии каких-либо других ориентиров, курганы являлись своего рода «дорожными знаками», обеспечивающими безопасное движение по традиционным кочевым трактам. При передвижении масс населения и скота на большие расстояния, следование по определенному маршруту, проходящему через места с хорошими пастбищами и водопоями, было жизненно важным. Цепочки курганов должны были маркировать такие маршруты, так как отклонение от них могло быть губительным для целого племени.

Родовые пастбища зорко охранялись от чужаков, поэтому каждый скиф-кочевник был одновременно и конным воином-лучником. Цепочки курганов отчасти несли предупредительно-охранную функцию, свидетельствуя о собственности на пастбища данного племени или племенного союза со времен захороненных здесь предков.

У кочевников экстенсивное скотоводство являлось ведущей отраслью хозяйства, не исключавшей, конечно, ни примитивного земледелия (которым занимались оседлые племена), ни ремесел. Но вся жизнь кочевников была подчинена главной задаче – наивыгоднейшему перегону стад с пастбища на пастбище. Одна из важнейших функций главы племени, наряду с ведением побе-

Арабатская стрелка как таковая является довольно молодым геологическим образованием, она появилась только в раннем средневековье [Сташук, Супрычев, Хитрая, 1964], поэтому в античные времена этой дороги не существовало. На портоланах ее еще нет.

доносной борьбы с врагами, были именно прокладка наилучшего маршрута перекочевки и умелое руководство в их прохождении. Умерший во время перекочевки вождь мог быть захоронен в той области, где его застигла смерть. Курган над его захоронением воздвигался из расчета на то, чтобы он был максимально заметным, на высоком месте с хорошим обзором, насыпь кургана делалась по возможности наиболее значительной. Таким образом, даже после своей смерти вождь указывал путь к пастбищам своего племени. Не даром в знаменитых памятниках письменности Авесте и Ригведе, отражающих всю систему мировоззрения ираноязычных народов, огромную роль играет культ предков. Первый человек – он же первый царь иранцев Йима (Ясна, XXX, 3) имеет параллель в Ригведе – Яму (X, 10). Йима и Яма после смерти стали царями загробного царства и служат проводниками умерших на верхнее небо, на вечные пастбища, где обитают предки [Кузьмина, 1976, с. 56].

Умершие соплеменники захоранивались поблизости от своего вождя, тем самым приобщаясь к нему⁵. Курганы образовывали цепочки, которые со временем становились путеводными знаками для последующих сезонных кочевков. Возможно, что именно с цикличностью экстенсивного скотоводства связан обычай поминовения предков раз в году, когда все племя оказывалось на том же месте, проделывая свой ежегодный маршрут по тем же пастбищам, где они были за год до этого и где почил один из соплеменников.

Как известно, все без исключения кочевые государства возникают на племенной основе [Черников, 1978, с. 74]. Возможно, что скифские области (ἄρχηϊαι), перечисленные у Геродота, соответствовали не территориальному, а скорее родо-племенному делению, учитывая, что четко закрепленных территориальных границ в Скифии не существовало, а были лишь пространства более или менее устоявшихся скифских кочевий [Ельницкий, 1977, с. 196]. Возможно, что именно поэтому среди ученых до сих пор не устоялось мнение о границах той или иной скифской области по Геродоту. В этой связи хочется еще раз подчеркнуть, какое большое значение представляет изучение курганных групп, тянущихся на большие расстояния, как знаков племенной собственности на пастбища, что может дать ценные сведения о племенной структуре древнего общества. Курганные группы, содержащие наиболее грандиозные насыпи, отражали главенствующее положение того или иного племени по отношению к остальным. Размеры курганов внутри курганных групп свидетельствуют о различиях во внутриплеменной позиции отдельных членов общества.

Одна из таких, наиболее длинных и прямолинейных цепочек курганов прослеживается от морского берега Джарылгацкого залива по направлению к Днепру в районе Каховки (рис. 4), причем ее появление трудно объяснить

⁵ На нечто подобное обратил внимание еще Б.Н. Граков, который отметил, что курганы приуральско-поволжских скифов тянутся цепочками от захоронений матерей-жриц, подчеркивая этим свое стремление к посмертному приобщению к матроне-родоначальнице и жрице [Граков, с. 116].

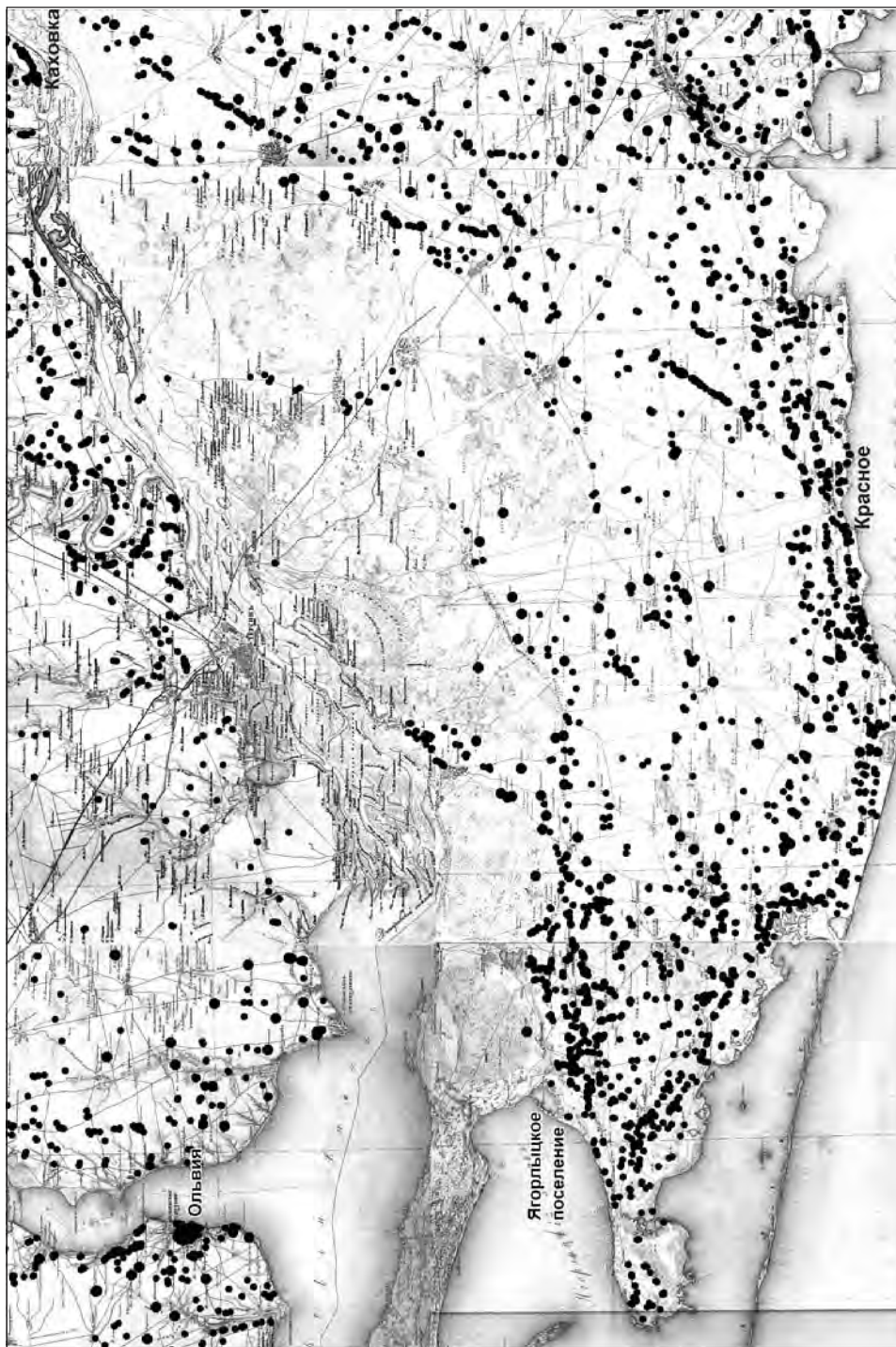

Рис. 4. Часть трехверстной карты конца XIX в. северной части Таврической губернии. Выделена цепочка курганов, идущая от берега Джарылгачского залива в районе п. Красное до Каховки. Кржжками показаны курганы.

особенностями рельефа местности, так как порой данный маршрут проходит по абсолютно ровной поверхности, лишенной каких-либо возвышенностей. Путь этот исключительно удобен, так как он не пересекает ни одной водной или иной преграды и проходит по местам, богатым пастбищами и водопоями. Недаром на карте конца XIX в. вдоль по этому пути помечено множество скотных дворов и колодцев.

Помимо важности данного пути с точки зрения кочевого хозяйства, не исключено также, что эта цепочка курганов маркирует дорогу от Днестра к каким-то другим, важным для скифов, объектам. Например, возможно, что она ведет к некоей (пока неизвестной) гавани в Джарылгацком заливе или к общеплеменному святилищу, расположенному на его берегу. Возможно также, что именно здесь проходил один из известных «соляных трактов», который использовался как в древности, так и в половецкое и древнерусское время [Болтрик, 1990, с. 39].

Если предположить, что данная цепочка курганов является свидетельством традиционных сезонных перекочевок какой-то отдельной группы скифов из Поднепровья в южном меридиональном направлении, то мы вправе ожидать, что вдоль него будут располагаться курганы с погребениями сходного типа, даже если такие курганные могильники будут иметь протяженность в сотни километров. И действительно, курганы, слагающие данный «тракт», относятся к Ягорлыцко-Каланчакской (на юге) и Поднепровской (на севере) группам по В.С. Ольховскому, которые являются родственными между собой [Ольховский, 1991, с. 135].

Многие из курганов, принадлежащие данной цепочке, были раскопаны в связи со строительством Северо-Крымского оросительного канала⁶. Так, из 26 курганов, раскопанных в Каховском районе, принадлежащих северной части данной «цепочки», половина насыпана в скифское время, а всего скифских

⁶ В ходе изучения данной цепочки курганов было сделано одно интересное и, на первый взгляд, неожиданное наблюдение. Дело в том, что трасса Северо-Крымского канала, начинающаяся от Каховки, прошла почти точно вдоль изучаемой цепочки курганов, по низинной территории, к п. Красное в Скадовском районе. Далее к западу ирригационную систему продолжает Краснознаменский канал. Он также следует вдоль полосы наибольшей концентрации курганов в западном направлении вплоть до побережья Ягорлыцкого залива. Подобное совпадение зафиксировано для цепочек курганов, идущих в широтном направлении в степной части Крыма (см. ниже). Думается, что эти два совершенно разнородных явления (сооружение курганов и современных каналов), тем не менее, в какой-то степени связаны между собой. Действительно, цепочки и концентрации курганов отражают неоднократные или длительные пребывания здесь древнего населения и являются свидетельством использования ими наилучших пастбищ и земельных угодий. Современное строительство канала также было задумано для того, чтобы привести днепровскую воду землям, наиболее перспективным для сельского хозяйства. Кроме этого, древними кочевниками в результате традиционных сезонных миграций был в конце концов выбран оптимальный путь, который проходил через места, наиболее богатые водопоями и пастбищами, то есть там, где грунтовые воды подходят близко к поверхности. На карте

захоронений насчитывается 28. Большое количество курганов бронзового века именно в северной части рассматриваемой «цепочки» говорит о том, что район левобережья Днепра был освоен древним человеком издревле. По мере продвижения на юг, доля скифских курганов в данном тракте быстро растёт. Особенно впечатляет огромное количество скифских курганов возле с. Широкое, приблизительно в 15 км от морского побережья. Здесь уже 65 из 80 раскопанных курганов были скифскими [Черненко, Бессонова, Болтрик, и др. 1986, с. 33-41].

Не исключено также, что данная «цепочка» курганов имеет продолжение далее на запад, к Ягорлыцкому ремесленному центру у с. Ивановка Голопристанского района Херсонской области. На карте-полуверстке конца XIX в. весь путь до Ягорлыцкого поселения отмечен огромным количеством курганов и курганных групп, тянувшихся цепочками, в основном, в широтном направлении. К сожалению, в настоящее время, после строительства Краснознаменского канала, очень многие курганы оказались в пределах оросительной системы и, вероятно, разрушены. Тем более ценным источником по изучению пространственного распространения курганов являются детальные карты конца XIX в., на которых все данные курганы еще присутствуют.

Как известно, на территории Ягорлыцкого ремесленного центра обнаружено огромное количество остатков бронзолитейного производства. Здесь найдены сотни незаконченных наконечников архаических стрел, это больше, чем на всех остальных поселениях и городищах Северного Причерноморья вместе взятых [Островерхов, 1973; Черненко, 1981, с. 100; Ольговский, 1992]. Это поселение и ремесленный центр существовали со второй половины VII до первой половины VI вв. до н.э. [Рубан, 1980]. Не отрицая того, что курганы в первую очередь маркируют пути сезонных миграций в связи с необходимостью поиска наилучших пастбищ, можно высказать предположение, что курганы архаического времени, возможно, немногочисленные, оставлены здесь именно в связи с существованием данного ремесленного центра. Действительно, пополнение арсенала вооружения, и прежде всего, стрел играло большую роль в жизни кочевников, каждый из которых был воином-стрелком. Поэтому не удивительно, что в районе самого Ягорлыцкого поселения фиксируется одна из наибольших концентраций курганов в Северном Причерноморье. Подобные концентрации курганов, вероятно, могут отмечаться также и возле других ремесленных центров, в том числе и в античных городах, где изготавливались сложные в технологическом отношении и парадные предметы вооружения [Черненко, 1981, с. 100; Яковенко, 1976, с. 129-130].

конца XIX в. вдоль по этому пути отмечены многочисленные скотные дворы и колодцы. Очевидно, что геологические, геоморфологические и, особенно, гидрогеологические условия учитывались также и строителями оросительной системы. Таким образом, оказывается, что в южной части Левобережья современная магистральная оросительная система фактически следовала теми же маршрутами, что и пути предполагаемых сезонных миграций скифов.

«Цепочки» курганов, подобные рассмотренной, тянущиеся на сотни километров, зафиксированы как на правом берегу, так и на левом берегу Днепра. По максимальной совокупной концентрации таких длинных курганных трактов, вероятно, может быть выделен весь ареал скифских кочевий, что должно помочь в решении вопроса о территории собственно Скифии.

Курганы должны были быть хорошо видимыми живыми обитателями земель. И наоборот, погребенные в курганах обожествляемые предки должны были, по мнению своих соплеменников, охранять их владения. Следовательно, с курганов должен был быть максимально полный обзор всей территории, занимаемой или используемой тем или иным социумом.

Общеизвестно, что большинство курганов располагаются таким образом, чтобы они наилучшим образом обозревались со всех, или с определенных, сторон, то есть по краям водоразделов, на господствующих вершинах, любых возвышенностях. Они являются своего рода ландшафтными знаками и ориентирами, создающими визуальную сеть, организующую пространство, которая может служить различным целям. На некоторых курганах, видимых с большого расстояния, могли быть установлены пограничные сигнальные посты, возможно, в более позднее, чем сооружение курганов, время для подачи знаков с кургана на курган во время военной угрозы⁷.

Несмотря на то, что курганы неизменно привлекали и привлекают к себе внимание исследователей уже на протяжении нескольких столетий, до настоящего времени не проводилось обобщающего исследования, посвященного пространственно-хронологическим закономерностям их расположения в степном ландшафте на обширной территории Северного Причерноморья.

Стремительное уничтожение и исчезновение с поверхности ландшафта курганов - наиболее массового для данного региона вида археологических памятников - лишает исследователей научной базы, а, соответственно, и возможности делать правильные выводы относительно жизнедеятельности древних этносов, проживавших здесь.

Изучение пространственного распространения курганов по детальным картам

В данной статье предполагается сделать попытку взглянуть на курганы «с высоты птичьего полета», причем в ретроспективе, используя ценнейшие данные, зафиксированные на старинных картах и архивных аэрофотографиях. Эту задачу предполагается решать с помощью комплекса методов дистанционного зондирования Земли, изучения картографических материалов, геофизических методов, натуральных археологических обследований.

⁷ Строителям древних курганов отчасти приходилось решать задачу, сходную с задачами современной коммуникационной, в том числе и мобильной, сети. Недаром компьютерная программа, широко используемая археологами для определения радиуса обзора той или иной вершины, была первоначально создана для проектирования антенн для сотовых телефонов.

В настоящее время появились новые возможности для анализа расположения курганов в культурно-историческом пространстве в связи с качественно и количественно изменившейся базой источников.

Прежде всего, для охвата действительно больших территорий сейчас широко используются космические снимки высокого разрешения и карты сканирования земной поверхности. Более доступными стали также аэрофотоснимки прежних лет, хранящиеся в архивах аэрофото документов ИА РАН в Москве⁸, а также в других научных и производственных учреждениях. Современная портативная аппаратура позволяет копировать их в виде компьютерных файлов с последующей обработкой и изучением с помощью специальных программ, что значительно повышает качество анализа аэрофотоматериалов.

Кроме этого, открывается возможность изучать подробные топографические карты, как старые, так и детальные новые, хранящиеся в архивах, так как данная категория материалов в настоящее время в большом объеме рассекречена.

Еще в 1971 г. была сформулирована задача об использовании картографических материалов как источника для изучения курганов, причем отдельно была подчеркнута важность материалов, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в г. Москве, а также карты Межевого ведомства, которые хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) [Ратнер, 1971]. Однако, в силу ряда причин организационного характера, связанного с отошедшим в прошлое режимом секретности, только сейчас можно в полной мере использовать эти ценнейшие архивные материалы для изучения курганов в Северном Причерноморье.

Необходимость анализа крупномасштабных топографических карт для изучения распределения курганов в степях Северного Причерноморья прекрасно понимал Б.Н. Мозолевский. Как уже упоминалось, он провел тщательное выявление по картам ареала крупнейших курганов от р. Молочной на востоке до р. Южный Буг на западе и до крымских предгорий на юге [Мозолевский, 1986, 1990, с. 134-138, Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 179-222; Мозолевский, Полин, 2007, с. 46]. В результате изучения карт и последующих археологических разведок Б.Н. Мозолевским, в частности, впервые был особо выделен крупнейший в Крыму Белогорский курганный могильник высшей скифской знати, находящийся в урочище Ак-Кая и Беш-Оба к северу от г. Белогорска, в котором насчитывается восемь курганов высотой от 8 до 11 м, три – высотой от 4 до 5,5 м и несколько десятков

⁸ В этой связи хочу высказать свою искреннюю благодарность заведующему архивом аэрофотографий ИА РАН И.И. Попову, заместителю начальника отдела информационного обеспечения и публикации документов РГВИА Т.Ю. Бурмистровой, научному сотруднику ГАРФ В.П. Наумову, сотрудникам ИИМК РАН Е.В. Грицик и Т.А. Ершовой за неизменную помощь в подборе и сканировании материалов.

более мелких. Ниже будут более подробно освещены исследования Белогорского могильника.

Курганы Крыма на карте полуверстового масштаба конца XIX в.

В данной работе представлены результаты выявления курганов по детальным картам Крыма. Предварим эти результаты небольшим историческим обзором карт, выпущенных в России в XIX-XX вв.

В 1836-38 годах силами Корпуса военных топографов под руководством Ф.Ф. Шуберта и Д.Д. Оберга были выполнены работы по триангуляции Крыма. Результатом этих работ явились карты, созданные на основе топографических съемок полковника Бетева. На карте 1837 г. наглядно показаны рельеф местности, основные и малые дороги, многочисленные поселения. Кроме этого, на нее впервые нанесены источники воды и колодцы, а также показаны уже в довольно большом количестве курганы. Пропорции полуострова практически точно совпадают с данными на современных картах. Рекогносцировка карт Крыма 1865 г. по основе 1837 г. явилась результатом широкомасштабных работ 1845 – 1870 гг., когда в верстовом масштабе были сняты вся Польша и 22 губернии центральной и южной России, включая Таврическую губернию. На карте Крыма 1865 г. показано больше дорог, населенных пунктов, курганов, колодцев. В основе трехверстовой карты, выпущенной в этом же, 1865 г., также лежали съемки полковника Бетева [Смекалова, 2007а].

С начала 1870-х годов съемки во внутренних губерниях России почти прекращаются и проводятся только в пограничных районах, включая Крым, но зато в полуверстовом масштабе (1:21000). На полуверстовой военно-топографической карте Крыма, выпущенной в конце XIX – начале XX вв., нанесено огромное количество курганов, показанных немасштабными знаками с обозначением высот крупнейших насыпей. Курганам уделено столь большое внимание в связи с тем, что эти объекты являются военными стратегическими пунктами. Кроме этого, детально прорисованы источники воды и колодцы, показаны дороги и тропы, в том числе и заброшенные. Рельеф местности изображался горизонталями через 2 сажени (прим. 4,3 м). Эта карта Крыма, имеющаяся у автора в полном объеме, является богатейшим источником для изучения пространственного распространения курганов, следов античного размежевания земель, систем расселения, расположения древних валов и рвов. Ее пропорции точно соответствуют современным представлениям о форме Крыма, поэтому выявленные на ней объекты легко переносятся на новые карты и на аэро- и космические снимки, что необходимо для сопоставления результатов дешифровки различных категорий источников.

Количество информации, имеющееся на полуверстовой карте⁹, сопоставимо с данными, приведенными на другой подробной карте масштаба 1:25000,

⁹ Здесь и далее я буду для краткости называть «полуверстовой картой» военно-топографическую карту Крыма конца XIX – начала XX вв. полуверстового масштаба.

рекогносцировка которой проводилась в 1950-е гг., с уточнениями 1980-х гг. по результатам аэрофотосъемки. Горизонталы на этой карте проведены через 5 метров. На ней также нанесены курганы, но их количество меньше, чем на полуверстовой карте. Указаны высоты крупнейших курганов [Смекалова, 2007 а].

То, что мы видим на картах – это курганы, относящиеся ко всем историческим эпохам, то есть мы получаем совокупную информацию о распределении всех курганов, насыпанных когда-либо древними людьми в Крыму. Точное представление о том, какие из них относятся к тому или иному периоду, дают только раскопки курганов. Начало исследования курганных насыпей в степях Северного Причерноморья принято относить к 1821-1830 гг., когда в ходе добычи камня в керченских курганах Патиниоти и Куль-Оба были обнаружены богатые погребения скифской знати. В конце XIX в. члены Таврической ученой архивной комиссии и Императорской археологической комиссии предпринимали раскопки десятков курганов, в основном, в Восточном и Предгорном Крыму. Следующая волна исследования курганов относится уже к советскому времени. Поистине широкомасштабные раскопки курганов в левобережной Украине и Крыму были предприняты в связи с проектированием и строительством системы Северо-Крымского канала [Ольховский, Храпунов, 1990, с. 9-11]. Сводки этих новостроечных работ в большой степени опубликованы и продолжают публиковаться в настоящее время в ряде монографий [Черненко, Бессонова, Болтрик, и др. 1986; Колтухов, Кислый, Тощев, 1994; Колтухов, Тощев, 1998; Колотухин, Тощев, 2000; Колотухин, Колтухов, 2007].

Основным источником для составления карты распространения курганов мною была выбрана полуверстовая карта Крыма конца XIX в., поскольку на ней наиболее полно представлена эта категория археологических памятников. Несмотря на то, что некоторые, в основном, малые, курганы на ней не показаны, их процент по отношению к изображенным на карте невелик и, можно надеяться, одинаков по всей территории Крыма. Поэтому данная карта подходит для сравнительного анализа распределения курганов всего Крыма.

Сосканированные листы полуверстовой карты были собраны вместе с помощью программы Mapinfo. Курганы на этой карте помечались в специальном слое кружками различной величины, в зависимости от размеров курганов. На полуверстовой карте рядом с курганами высотой более 1 сажени (1 сажень = 2,1336 м) нанесена их примерная высота (в сажнях). Крупные курганы (более 2-х сажень) помечались мною кружками большего размера, в то время как мелкие курганы, не имеющие рядом с собой обозначения высот, наносились в «курганном» слое в виде маленьких кружков. Последних курганов гораздо больше. Всего по полуверстовой карте Крыма удалось выявить более 15750 курганов. Они представлены на основе полуверстовой карты (рис. 5), а также на карте рельефа местности (рис. 6).

Как видно из построенных карт, курганы в Крыму распределены очень неравномерно. На фоне весьма немногочисленных курганов в центральной

степной части Крыма очень четко выделяются три основных крупнейших концентрации курганов: в восточной части Керченского полуострова, на полуострове Тарханкут и в районе крымских предгорий. Концентрация курганов в этих районах во много раз превосходит концентрацию курганов в остальной, срединной части Крыма.

Предметом данной статьи является рассмотрение курганного скопления в предгорном Крыму. Курганы в Западном и Восточном Крыму будут рассмотрены в специальной публикации, готовящейся в рамках международного Джарылгачского проекта. Позволим себе лишь очень кратко сформулировать главный вывод относительно этих двух частей Крыма. Огромное количество курганов здесь обусловлено тем, что они оставлены как скифами-кочевниками (довольно крупные курганы по вершинам водоразделов, следующие на большие расстояния вдоль магистральных путей сезонных перекочевок), так и оседлым населением. На основании изучения курганов и поселений в Западном Крыму и сравнения полученных результатов с теми материалами и выводами, которые опубликованы в ряде работ по Восточному Крыму [Масленников, 1995; Смекалова, 2007б] мною было сделано следующее предположение. Мелкие курганные группы, которые иногда слагаются в крупные курганные могильники и которые содержат каменные «ящички» и склепы с асинхронными захоронениями, соответствуют оседлому земледельческому населению. Это население по всем доступным нам для изучения признакам материальной культуры (как погребальных памятников, так и поселений) в большой степени идентично как для территории Тарханкута, так и Керченского Приазовья. Но на Тарханкуте, по крайней мере, насколько это известно при нынешнем состоянии источников, представителей этого оседлого населения было гораздо больше. Каждой курганной группке соответствует неукрепленное поселение, селище, которые представляют собой несколько жилых и хозяйственных комплексов, обязательно включающих хозяйственные (зерновые?) ямы. Комплексы расположены свободно, на некотором расстоянии один от другого и соответствуют хозяйствам одной семьи. Каждая деревня является, вероятно, родовой общиной, владеющей земельными угодьями поблизости от поселений. Курганные группы маркируют родовую собственность на эти земли. Характернейшей чертой районов, занятых этим оседлым населением, являются видимые следы землепользования в виде «длинных полей», идущих преимущественно вдоль протяжения склонов. Следы этих полей повсеместно прослеживаются как на Тарханкуте, так и в Керченском Приазовье на аэро- и космических снимках, а также на магнитных картах, полученных автором в обоих районах [Смекалова, 2007б, Бильде и др. 2007]. Какова этническая принадлежность этого населения пока сказать довольно трудно, но можно высказать предположение, что им были представители местных племен, носителей кизил-кобинской культуры, которые, возможно, были подчинены скифами-кочевниками и вытеснены (или переселены) последними из зоны предгорий

на Тарханкут и в Керченское Приазовье. О том, что данные племена привыкли обитать в холмистой местности, говорит топография самих находок курганных групп и соответствующих поселений. Последние, как правило, находятся на мысах и на берегах балок на склонах холмистых гряд. Более подробно эти вопросы будут освещены в следующих публикациях автора.

Курганы в Предгорном Крыму

Особую картину представляет собой концентрация курганов в Предгорном Крыму: весь район предгорий оказывается чрезвычайно насыщенным курганами. Первое, что бросается в глаза, это практически полное совпадение района наибольшего скопления курганов и распространения укрепленных поселений и убежищ, объединенных в литературе под названием «позднескифские городища» (рис. 5). Как это видно из данной карты, только некоторые позднескифские укрепления, как правило, самые южные, находящиеся в глубоких предгорьях (Алексеевское, Саблы, Развилки, Карагач), выходят за пределы этого общего ареала.

Вероятно, такое совпадение не случайно, и, возможно, оно говорит о том, что, во-первых, так называемые «позднескифские городища» появились на местах, до этого хорошо известных древнему человеку, и, во-вторых, что городища могут содержать более ранние слои IV в. до н.э., соответствующие первоначальным поселениям на данных участках. Особенно это может касаться такой категории памятников, как укрепления, расположенные на обрывах куэст Крымских гор. Этот вид поселений был уже специально выделен И.Н. Храпуновым в отдельный тип в силу природных особенностей [Храпунов, 1987, с.22-27]. Действительно, данные защищенные места, открытые и легкодоступные со стороны степи, имеют обрывистые склоны. Они могли быть селищами людей, имеющих большие стада, так как обрывистые мысы удобны не только для расположения здесь поселений при защите от врагов, но и являются прекрасными загонами для табунов лошадей или отар овец. В более ранние периоды эти природные «ловушки» могли служить, вероятно, для загонной охоты. Таким образом, обрывы куэсты могли служить вначале, скорее, «хозяйственно-скотоводческим» целям, а не целям защиты населения от военной угрозы. Подтверждением существования первоначальных ранних поселений служат раннеэллинистические находки и культурные слои, которые есть почти на всех позднескифских городищах в Центральном Крыму [Храпунов, 2004, с. 82-84].

По схеме распространения курганов в Предгорном Крыму (рис. 6), построенной на основании полуверстовой карты конца XIX в., можно выделить четыре района наибольших их концентраций: к северу от Симферополя (1), к северу от Белогорска (2), в юго-восточной части Крыма (3) и на границе Предгорного Крыма и Керченского полуострова, вдоль реки Чурук-Су (4). Кроме этого, необходимо отметить, что в степной части Центрального Крыма выделяются две очень длинные цепочки курганов, пересекающие весь полуостров

в широтном направлении (5). Относительно небольшая концентрация курганов есть также и в Нижнегорском районе (6).

Район к северу от Симферополя

Рассмотрим вначале первый район, к северу от Симферополя. Многие из курганов здесь были раскопаны в 1890-е годы Н.И. Веселовским (рис. 7), и описание результатов можно найти в рукописном и фотоархивах ИИМК РАН в г. Санкт-Петербурге, а также в публикациях ОАК и ИТУАК за соответствующие годы.

Особенно интенсивно в 1890-е годы исследовалась территория к северу от Симферополя вдоль р. Салгир, где на площади примерно 17 км в длину и 6,4 в ширину на землях М.Д. Талаевой, И.О. Пастака, А.А. Нестроева, С.А. Крыма, С.У. Черкеса, С.И. Генкеля, Э. Б. Бобовича, П.В. Давыдова, к востоку от р. Салгир, было раскопано в 1890-1895 гг. 30 курганов, и только порядка пяти в 1895 г., по словам А.О. Кашпара, еще осталось неисследованными [Кашпар, 1896, с. 149]. В действительности это не совсем так, нераскопанных курганов было больше, что видно хотя бы из схемы расположения курганов, выявленных по полуверстовой карте (рис. 8). И тем не менее, вплоть до наших дней этот район концентрации курганов остается одним из наиболее детально исследованных профессиональными археологами, по сравнению с другими территориями Крыма. По другую сторону железной дороги, на противоположной возвышенности правого берега Салгира было раскопано 9 курганов [Кашпар, 1896, с. 149]. Основной целью раскопок была добыча ценных экспонатов для Эрмитажа, но научную важность раскопок всех, по возможности, курганов на исследуемой территории признавал уже в конце XIX в. А.О. Кашпар, хотя и с извиняющейся интонацией писал, что широкомасштабные (19 курганов) «раскопки истекшего (1895 г.) нельзя считать бесплодными», несмотря на то, что они дали только разграбленные могилы или почти безынвентарные погребения. Разнообразие погребальных памятников, встреченных при раскопках курганов на данной территории, дает представление о типах подкурганых сооружений, погребальном обряде, культурной и хронологической принадлежности захоронений [Кашпар, 1896, с. 149].

Раскопки проводил проф. Н.И. Веселовский при участии и содействии А.Х. Стевена и А.О. Кашпара. Даже губернатор П.М. Лазарев посещал раскопки

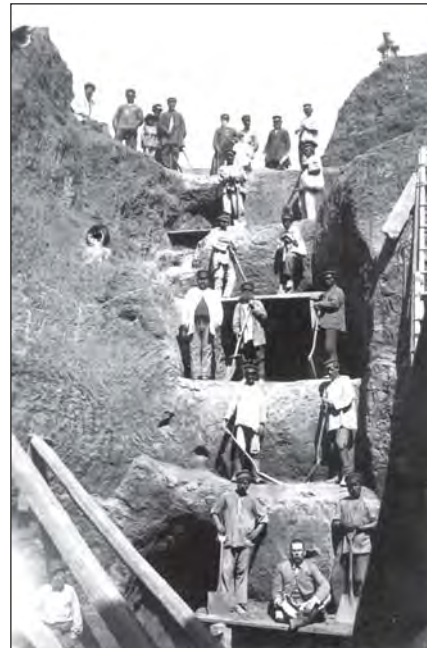

Рис. 7. Н.И. Веселовский (сидит внизу) на раскопках кургана в Шульговке. ФА ИИМКРАН.

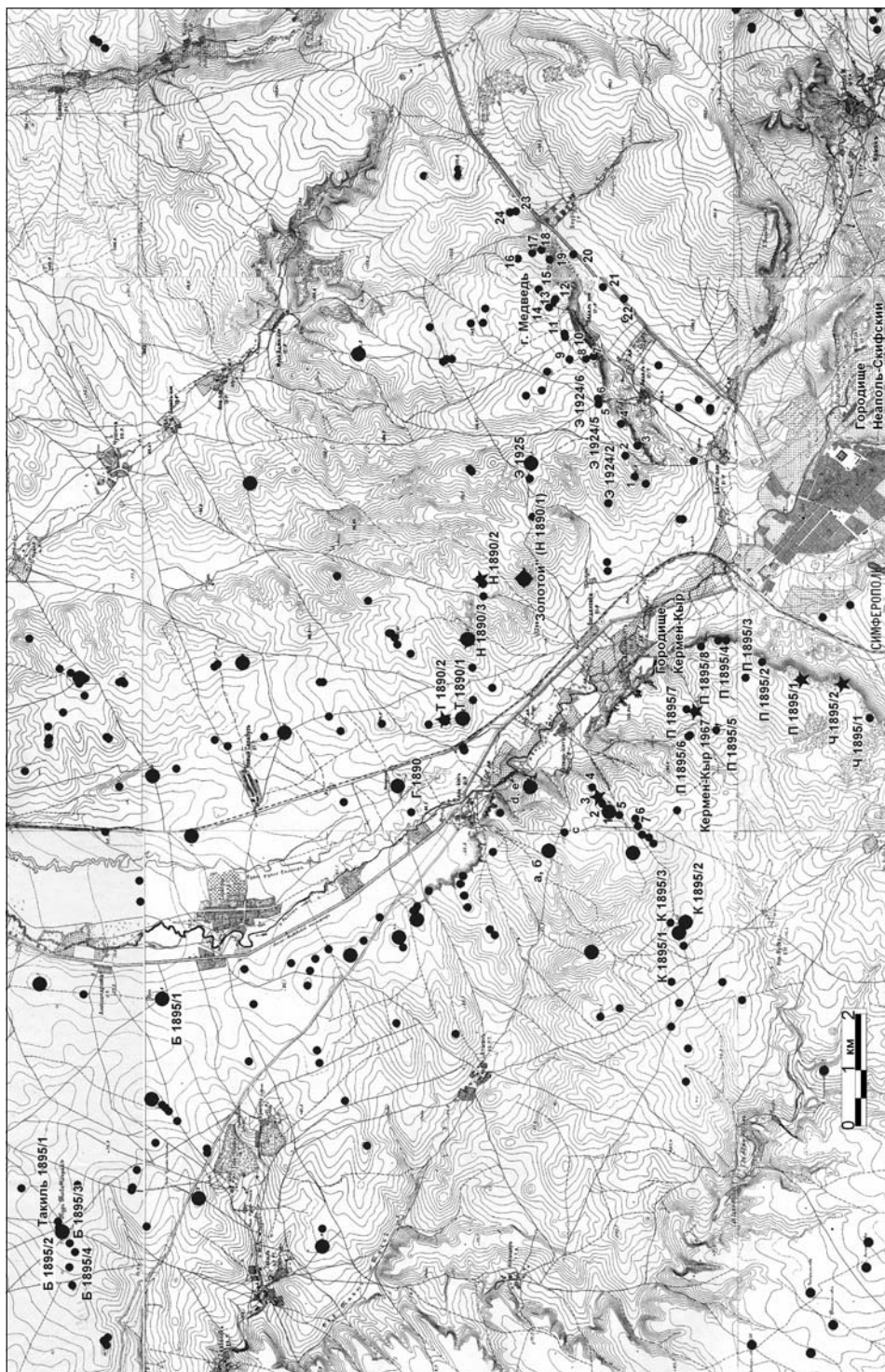

Рис. 8. Результат локализации раскопанных курганов на полуверстовой карте конца XIX в. в районе к северу от Симферополя. Красными кружками показаны крупные (более 4-х м высотой) и мелкие курганы. Синими звездочками отмечены «коллективные» захоронения. Желтым ромбом помечен «Золотой» курган.

и наблюдал за их ходом [РА ИИМК, ф. 1, д. 48, 1890 г., л. 35]. Землевладельцы охотно предоставляли свои земли для археологического обследования, за что Мария Даниловна Талаева и Алексей Алексеевич Нестроев, на землях которых находились богатые «Талаевский» и «Золотой» курганы, даже получили официальные письма благодарности от Императорской археологической комиссии [РА ИИМК, ф. 1, д. 48, 1890 г., л. 31, 34]. Из подобного же письма, копия которого хранится в архиве ИИМК (там же, л.3), мы узнаем о помощи также со стороны Измаила Михайловича Сочеватова со станции Курман Лозово-Севастопольской железной дороги. Таким образом, в результате большой научной заинтересованности Археологической комиссии во главе с гр. А. Бобринским, энтузиазма археологов и содействия местных помещиков и чиновников был фактически проведен уникальный эксперимент по изучению курганов методом тотальных раскопок на большой территории. Территория эта имеет первостепенную важность для изучения истории Крымской Скифии, так как она со стороны степи примыкает к ее центральному району, вероятно, столице, Неаполю Скифскому.

Благодаря проведенным более 100 лет назад работам мы сейчас можем ознакомиться с результатами этого масштабного эксперимента. Первое обобщение полученных материалов было проведено Т.Н. Троицкой [Троицкая, 1951]. Появившиеся недавно статьи С.Г. Колтухова посвящены анализу опубликованных и архивных данных для локализации «наиболее ярких и интересных скифских курганов» («Золотого», т.н. курганов Пастака и Талаевского), а также рассмотрению подкурганных коллективных погребений [Колтухов, 2008, 2001, 1999]. В данной статье я делаю попытку собрать вместе разрозненные сведения о раскопках курганов на этой территории для того, чтобы провести сравнительный их анализ, что может пролить свет на причины столь плотной концентрации здесь курганов и помочь в хронологических определениях. Для этого архивные и опубликованные данные собраны в Приложении.

Прежде всего, необходимо было локализовать раскопанные курганы по карте. Для этого внимательно прорабатывались архивные отчеты Н.И. Веселовского, а также опубликованные данные в ОАК и ИТУАК. В качестве основы для локализации курганов использовалась карта-полуверстка конца XIX в., которая, как уже говорилось, является наиболее полным источником для выявления курганов на местности. Дополнительно необходимо было привлечь межевые планы с обозначением границ владений того или иного помещика. Особенно это актуально было в случае с локализацией курганов на землях А.А. Нестроева («Золотой курган») и Э.Б. Бобовича, поскольку в словесных описаниях, приведенных в отчетах о раскопках, назывались ориентиры, связанные с границами частных владений. Межевые планы изучались в Российском государственном архиве древних актов в г. Москве (РГАДА).

Кроме этого, большую помощь в локализации курганов оказала еще одна карта, полковника Бетева, созданная в 1838 г. и рекогносцированная

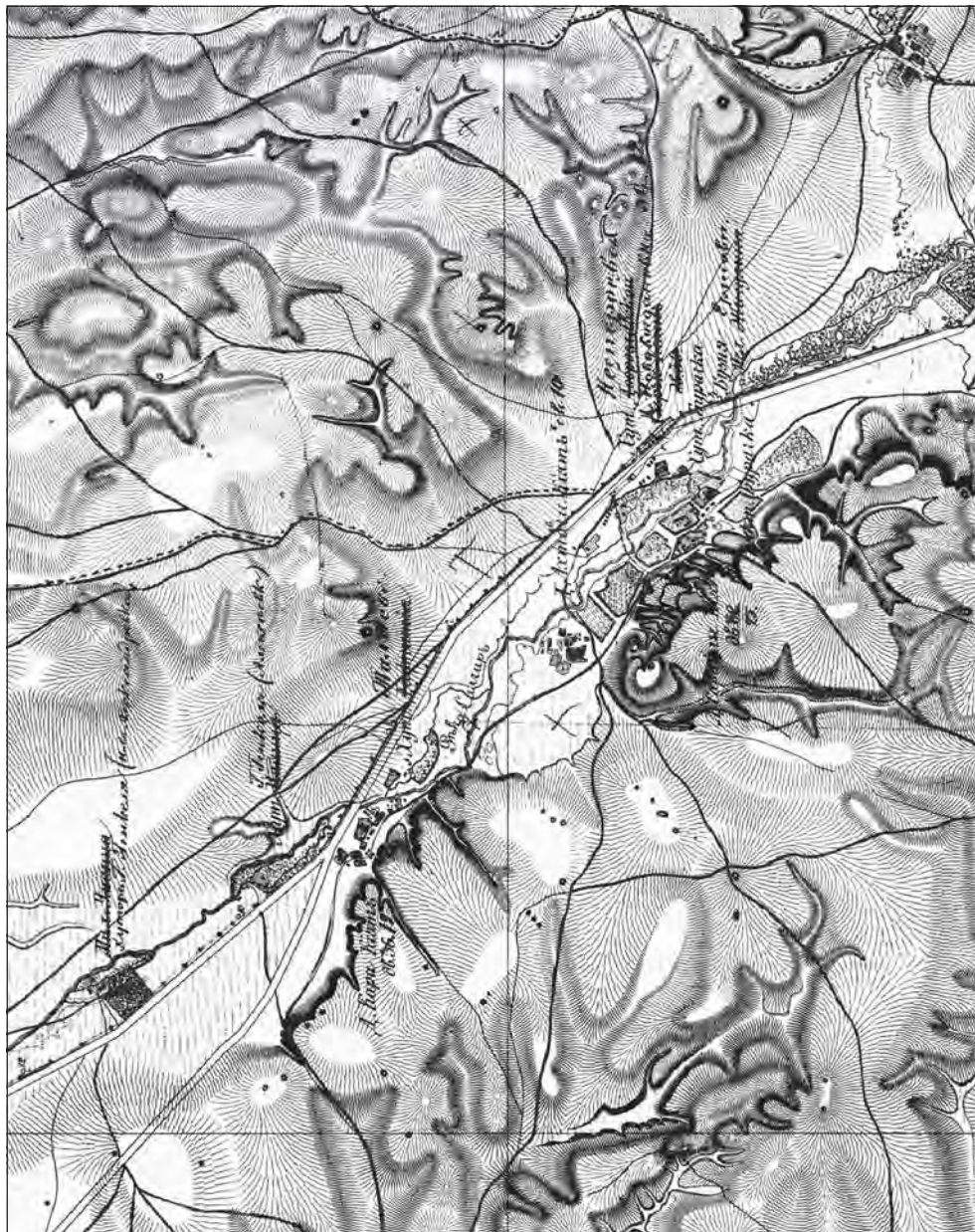

Рис. 9. Фрагмент верстовой карты 1837 г. с реконсцировкой 1865 г. на район к северу от Симферополя. Показаны имена А.А. Нестроева, М.Д. Талаевой, С.И. Генделя.

в 1865 г. В военно-историческом архиве в Москве (РГВИА) удалось отыскать оригинал карты, на которой исправления 1865 г. помечены поверх старой топографической основы красным суриком. На ней обозначены фамилии новых (на 1865 г.) владельцев господских домов, экономий и хуторов (рис. 9).

На основании совокупного рассмотрения этих материалов проведена локализация раскопанных курганов по карте-полуверстке (см. рис. 8 и Приложение).

Не все приведенные более ста лет назад сведения поддаются анализу с целью определения культурной принадлежности и датировки погребений. Но все же при рассмотрении собранных данных удается определить, что из 39 раскопанных курганов к северу от Симферополя 28, то есть три четверти от всех исследованных насыпано в эпоху бронзы, и только 9 (или четвертая часть от всех) – в скифское время. В курганах содержится не менее 22 скифских впускных или основных погребений, а в реальности их, вероятно, больше, так как недостаточное документирование найденных вещей и недоисследованность курганов, большинство из которых раскопано траншеей с юга, не позволяют точно выявить все погребения скифского времени.

Возможно, что в восьми курганах (из 39 раскопанных) имелись «коллективные» захоронения – основные или впущенные. Как это видно на карте, они группируются вокруг позднескифского городища Кермен-Кыр (см. рис. 8) и, возможно, связаны с ним. Курганы с «коллективными» захоронениями расположены на расстоянии от 2,1 км до 4 км от городища, что вполне допускает их взаимосвязь, особенно если учесть, что с запада и севера к городищу примыкали неукрепленные поселения, и поэтому расстояние до курганов следует, очевидно, отсчитывать от границ последних.

Таким образом, можно сделать заключение, что данный район был освоен древними людьми, оставившими курганы, еще в эпоху бронзы, так как большинство курганов насыпано здесь именно в это время. Во многие курганы были впоследствии впущены скифские погребения. В V-IV вв. до н.э. было насыпано довольно много курганов для захоронений скифских воинов-кочевников. Неспроста только кочевнические курганы в Крыму содержат предметы, украшенные в «зверином» стиле, ведь было показано, что они находятся только в достаточно богатых захоронениях воинов-конников и никогда – в курганах оседлого населения [Хазанов, Шкурко, 1978, с. 41, сл.; Яковенко, 1978]. Оседлые племена, также оставившие курганные могильники, но другого типа, находились в подчинении у кочевников. В позднескифское время в некоторых курганах, содержащих как скифские могилы IV в. до н.э., так и более ранние погребения бронзового века, находящихся недалеко от городищ, устраиваются «коллективные захоронения». Подобные захоронения встречаются также и на территориях к югу от Симферополя, и опять повсюду «коллективные захоронения» находились неподалеку от «позднескифских» городищ. Так, тавельские курганы находятся на расстоянии 700 м – 2,3 км от границ городища Доброе (рис. 10). При расчете расстояния до городища необходимо

Рис. 10. Результат локализации раскопанных курганов на полуверстовой карте конца XIX в. в районе к югу от Симферополя.

учитывать, что возле городища существовало селище площадью 0,85 га, то есть расстояние от курганов до границ селища было меньше. Курган в имении Давыдова у д. Саблы находится на расстоянии 1,3 км от городища Таш-Джарган и 2 км от городища Змеиное (рис. 10). Курган у дороги на Курцы – в 3,5 км. к югу от стен Неаполя Скифского. Курганы с «коллективными» захоронениями, располагающиеся к северу от Симферополя, как уже говорилось, находятся на расстоянии от 2,1 до 4 км от границ городища Кермен-Кыр. Курган Беш-Оба IV-2 с «коллективным» захоронением, раскопанный С.Г. Колтуховым в 1996 г., находится почти в 4 км от городища Вишенное, но гораздо ближе к последнему есть еще много нераскопанных курганов, которые, не исключено, также содержат «коллективные захоронения». Курганы, исследованные Е.А. Катюшиным в районе г. Сары-Кая, содержащие «коллективные» захоронения, находятся в непосредственной близости от городища Сары-Кая. Недавно были опубликованы раскопки двух «коллективных захоронений» в курганах у с. Кринички недалеко от Старого Крыма [Гаврилов, Крамаровский, 2001; Кропотов, Лесков, 2006]. Нам пока неизвестно ни одного «позднескифского» городища, находящегося поблизости, но здесь имеется селище Кринички 1, открытое А.В. Гавриловым в 1994 г. Здесь обнаружены несколько золистых пятен, соответствующие, по-видимому, жилым и хозяйственным комплексам, фрагменты амфор и клейм, чернолаковой керамики, монеты и др. [Гаврилов, 2004, с. 165, рис. 44-48].

Сравнивая две различные области концентрации курганов, первую, к северу от Симферополя и вторую, в Западном Крыму, следует отметить их серьезные различия. Почти все «симферопольские» курганы занимают главенствующее положение в ландшафте – на вершинах главных водоразделов, по краям куэстовых поднятий, на отдельных холмах. Скоплений мелких курганов, как в Западном Крыму [Смекалова, 2008], здесь почти не наблюдается. На территории к востоку и югу от Симферополя, в предгорьях зачастую курганы или курганные группы соседствуют и даже входят в состав могильников в виде каменных ящиков вполне «таврского» вида. В качестве примеров назовем могильник Капак-Таш [Пуздровский, 2007, с.25-27], на горе Метерес-Кыр (в бывш. имении Гротена Ени-Сала, см. Приложение), а также крупный курганный могильник, содержащий очень интересную длинную курганную насыпь, между Строгановкой и Денисовкой (в настоящее время, к сожалению, полностью размежеванную под раздачу на частные участки). Здесь каменные ящики являются как самостоятельными погребальными сооружениями, так и впускными захоронениями в верхнюю часть курганов.

Особенностью захоронений, исследованных в районе к северу от Симферополя, является то, что здесь пока неизвестны подкурганные скифские асинхронные погребения в склепах и ящиках с несколькими костяками (до 4-5), в то время как в Северо-Западном Крыму они часто встречаются в курганных группах, состоящих из небольших курганов, и соответствуют оседлому

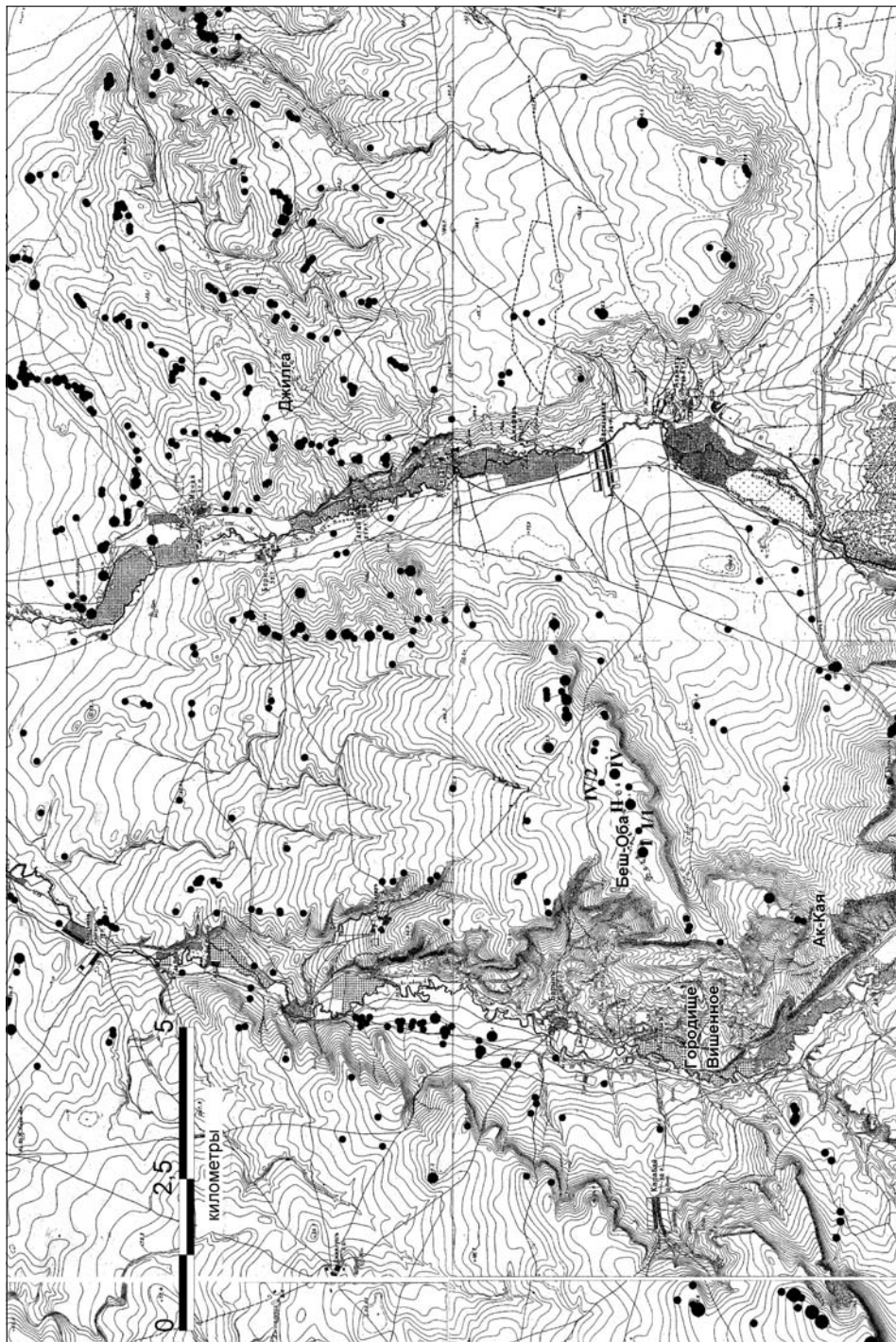

Рис. 11. Расположение курганов на полуверстовой карте конца XIX в. в урочищах Ак-Кая, Беш-Оба и Джилга и в районах вокруг них к северу от Белогорска.

населению [Смекалова, 2008а, б]. Этот факт говорит о том, что процессы освоения этих двух районов шли разными путями. Для того, чтобы прояснить данный вопрос, нужны более детальные целенаправленные исследования как в Северо-Западном Крыму, так и в предгорьях, включая разведки, геофизические съемки и раскопки курганов и поселений.

Район к северу от Белогорска

Второй по счету, но, вероятно, не по значимости район концентрации курганов находится к северу от Белогорска и охватывает урочища Ак-Кая, Беш-Оба, Джилга, то есть районы, окружающие междуречье рек Биюк-Карасу и Кучук-Карасу (рис. 11).

Этот район давно и справедливо привлекал к себе внимание исследователей. Здесь находятся наиболее крупные курганы в Крыму из ранга «царских» (8-11 м высотой). Наиболее грандиозными являются курганные насыпи, находящиеся в урочищах Ак-Кая и Беш-Оба [Троицкая, 1951; Мозолевский, 1991]. Чудо природы, белоснежные скалы Ак-Каи, отвесно поднимающиеся над живописной и плодородной долиной реки Биюк-Карасу, не могли не привлечь внимание степняков, более привыкших к бесконечным и однообразным иссушенным равнинам. На склонах Беш-Обы находятся обильные родники хорошей по качеству воды и прекрасные пастбища. Эти места, безусловно, были обитаемы с древнейших времен. Так, на одной из архивных аэрофотографий ясно «читаются» террасы – следы землепользования на западном склоне Беш-Обинского урочища, в том месте, где находятся самые мощные родники (рис. 12). Не случайно скифы «обожествовали» эти места, расположив здесь наиболее крупный в Крыму курганный могильник царского ранга. Скалы Ак-Каи просматриваются издали с очень многих весьма удаленных точек предгорья – от Аргинского городища и других, тяготеющих к долине реки Сурук-Су, с возвышенных мест вдоль долин рек Бурульча, Зуя и даже Бештерек. Прекрасно видна Ак-Кая и от позднескифского Алексеевского городища, находящегося уже в глубоких предгорьях, к югу от Белогорска.

Могильник Ак-Кая – Беш-Оба, вероятно, рассчитан на обзор со стороны равнины междуречья Биюк-Карасу и Кучук-Карасу. По крайней мере именно отсюда открывается наиболее впечатляющая картина на курганный гряд с четким ритмом, о котором писала еще Т.Н. Троицкая (1951). Невольно приходит мысль об особом «архитектурном» замысле создателей этого могильника, который должен был восприниматься современниками как монументальное и гармоничное дополнение к впечатляющему природному ландшафту. Вполне логичным было бы предположить, что здесь находился и религиозный центр, связанный с культом предков.

Белогорский курганный могильник охватывает, на мой взгляд, намного большую территорию, чем только урочища Ак-Кая и Беш-Оба. На полуверстовой карте

Рис. 12. Аэрофотоснимок 1974 г. района урочища Беш-Оба. Показаны крупный курган Беш-Оба I и небольшой курган I/1. Хорошо заметны следы террасированных полей на западных склонах возвышенности в районе, богатом родниками.

прекрасно видны детально прорисованные курганные группы, которые идут как на запад, так и на восток от центрального района. Приведем далее их описание, основывающиеся на анализе картографического материала.

На западе от урочища Беш-Оба, вдоль по долине левого берега р. Биюк-Карасу, к северу от дер. Мышаш и Барын (совр. д. Забаштановка) на полуверстке показана длинная цепочка крупных курганов, состоящая из не менее, чем пяти курганов высотами от 2,5 до 5 м, и более 25 мелких курганов, высотой менее 2 м (рис. 11). Интересно довольно необычное положение этой

курганной группы – вдоль середины склона речной долины. Они, вероятнее всего, следуют направлению древней дороги. Наиболее крупные курганы, принадлежащие этой группе, еще присутствуют на карте масштаба 1:25000, съемки 1955 г., но на карте, обновленной в 1988 г., показаны только два кургана. К настоящему времени данная курганная группа, вероятно, почти полностью разрушена в результате строительства спрямленной шоссейной дороги, ведущей в Нижнегорский район, распашки полей к западу от шоссе и посадки садов по всей долине реки.

Еще одно крупное скопление курганов находится на продолговатой возвышенности в междуречье Биюк-Карасу и Кучук-Карасу, к северу от Беш-Обы (рис. 11). Здесь насчитывается примерно такое же количество крупных курганов (7) высотой от 2,1 до 3 м и мелких курганов (25), как и в только что рассмотренной группе на левом берегу Биюк-Карасу. Курганы данной группы, однако, расположены в ландшафте иначе – по краю возвышенности, господствующей над левым берегом Кучук-Карасу. Могильник ориентирован, таким образом, на тех, кто проживал или проезжал по долине этой реки. Эта курганная группа является как бы двойником главной, Беш-Обинской, группы, расположение курганов здесь подчинено примерно такому же ритму. Несмотря на то, что курганы здесь пониже, в результате умелого использования особенностей рельефа, они кажутся почти такими же монументальными, как и на Беш-Обе.

Далее к востоку, на правом возвышенном берегу р. Кучук-Карасу, находится целая холмистая страна – урочище Джилга (рис. 11). По геоморфологическим признакам эта складчатая область очень сходна с таковой, находящейся к северо-востоку от Симферополя, но там курганов гораздо меньше. В урочище Джилга курганные цепочки тянутся на расстоянии более 5-7 км вдоль по вершинам длинных холмистых гряд, причем в каждой насчитывается не менее 25-30 курганов средних и мелких размеров. Некоторые курганные группы в глубине извилистой балочной системы состоят из едва заметных насыпей. Наиболее крупные курганы находятся во внешних частях урочища. Это, во-первых, курганы на обрывистом возвышенном правобережье Кучук-Карасу, ориентированные на наблюдателя, находящегося в долине реки. Во-вторых, крупные курганы на южных обрывах куэстового поднятия, рассчитанные на обзор со стороны обширной долины, простирающейся с юга у его подножья. В третьих, курганная группа, следующая вдоль по изогнутому всхолмлению, завершающему с севера урочище Джилга. Эта группа разбивается на две цепочки. В восточной находится не менее 4 курганов высотой от 2 до 3 м, и 26 мелких курганов. Вторая группа примерно такая же: пять крупных курганов высотой от 2 до 3 м и 25 мелких (рис. 11).

Бросается в глаза постоянство примерных размеров и структуры курганных групп в урочище Джилга, которые обычно состоят из 5-7 курганов высотой от 2 до 3 м и не менее 25 мелких курганов. Любопытно, что на самой Ак-Кае и на Беш-Обе структура схожая, всего здесь насчитывается 76 курганов

Рис. 13. Аэрофотоснимок 1974 г. городища Вишенное.

[Колтухов, 2006, с. 229], но здесь 5 курганов высотой от 8 до 12 м сопровождаются курганами высотой поменьше (4-6 м), а также многочисленными насыпями до 2 м высотой. Вероятно, ранг погребений на Ак-Кае и, особенно, Беш-Обе был на ступень или две выше, чем погребения в окружающих перечисленных могильниках. Здесь были погребены скифские правители следующего за царским ранга, окруженные могилами ближайших родственников и сподвижников рангом чуть ниже, а также и приближенных конных воинов [Болтрик, 2004; Колтухов, 2006].

Огромные размеры могильника (если рассматривать не только Ак-Каю и Беш-Обу, но и окружающие курганные группы) не оставляют сомнения в том, что именно здесь находилась в течение длительного времени ставка верховного скифского правителя Крыма. В этой связи нельзя не упомянуть о новейших открытиях, сделанных в 2007-2008 гг. на городище Вишенное экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством Ю.П. Зайцева [Зайцев, 2008].

На этом, одном из крупнейших крымских городищ скифов выявлены ранние слои и оборонительная стена, которая может датироваться IV до н.э. Данное городище находится на мысу самой нижней части главного куэстового поднятия, которое в своей высокой восточной части и представляет собой знаменитые скалы Ак-Каи. На аэрофотоснимке 1959 г. очень четко видны стена и ров с изломами, отгораживающие мысовую и обрывистую часть городища от степи (рис. 13). Не исключено, что обнаруженные на городище материалы IV в. до н.э. имеют отношение к крупнейшим курганам этого же времени. Возможно также открытие в будущем в этом районе и других городищ и поселений IV в. до н.э., например, на западных склонах Беш-Обы и обрывистых восточных склонах р. Кучук-Карасу.

Положение данного могильника примечательно – в самом «сердце» Крымской Скифии, почти в геометрическом центре Крыма (150 км по прямой до оконечности Керченского полуострова и 165 – до Тарханкута), с некоторым смещением на восток, к Боспору. Однако, если отсчитывать расстояние до границ Боспорского царства, оказывается, что Ак-Кая находится гораздо ближе к Боспору, чем к Западному Крыму. По мысли Ю.П. Зайцева, на городище Вишенное у Ак-Каи какое-то время, начиная с IV-III вв. до н.э., могла находиться столица скифского царства в Крыму, которая во II в. до н.э. была перенесена в Неаполь Скифский [Зайцев, 2008]. Возможно, что именно опасная близость к Боспорскому царству могло послужить причиной перенесения столицы далее к западу, не исключены также внутренние причины, например, династические распри между скифскими правителями.

Данный район, несмотря на всю его очевидную важность в истории Скифии, исследовался, однако, с большими перерывами и непланомерно. В 1947 г. был раскопан т.н. Белогорский курган, содержащий каменный склеп [Троицкая, 1951, с. 102-103]. К сожалению, описание раскопок этого кургана не содержит каких-либо указаний на географическую привязку, поэтому в настоящее время очень трудно судить о его местонахождении. Могильник Ак-Кая и Беш-Оба, обнаруженный и описанный П.Н. Шульцем и Е.В. Веймарном в 1947 г., вначале посещался только археологами, которые оставили свои описания и даже зарисовки [Троицкая, 1951, с. 88]. Как уже упоминалось выше, Б.Н. Мозолевским был использован картографический материал для определения роли этого могильника в истории Скифии [Мозолевский, 1990]. В 1990-е гг. археологической экспедицией КФ ИА НАНУ (руководитель С.Г. Колтухов) были предприняты раскопки крупнейших курганов – Аккайского № X и нескольких курганов в урочище Беш-Оба, включая один из самых крупных в могильнике (№ IV), высотой 9 м. К сожалению, ни те, ни другие раскопки не были доведены до конца, а X-й Аккайский курган, только начатый раскапываться археологами, был подвергнут в 2001 г. варварскому разграблению и разрушению с использованием землеройной техники, в ходе которого погибла погребальная камера с частично сохранившимся бревенчатым перекрытием.

Курган IV в урочище Беш-Оба также остался недоисследованным. В 1996 г., до начала раскопок этого кургана, на нем и еще на двух крупнейших курганах (№№ I и II), находящихся поблизости, автором данной статьи была проведена магнитная разведка, которая оказалась очень эффективной (рис.14 а, б, в). Все три кургана, судя по магнитным картам, имели сходную структуру – мощную круговую каменную стену, сдерживающую насыпь, в которой имеется разрыв для дромоса с восточной стороны, ведущим в центральную заглубленную гробницу – каменный склеп [Смекалова и др. 1999, Smekalova et al, 2005, Смекалова, Восс, Мельников, 2007, с. 32-33]. Принимая во внимание данные магнитной разведки, раскопки кургана IV были начаты траншеей, проведенной с востока на запад для того, чтобы проникнуть в центральное погребение через дромос. Результаты раскопок недавно опубликованы С.Г. Колтуховым [Колтухов, 2006]. Был раскопан также находящийся неподалеку небольшой курган IV/2 [Колтухов, 2001].

В связи с тем, что курган IV был полностью ограблен, по всей видимости, еще в древности, вещей здесь было найдено очень немного. Полы кургана остались нераскопанными, несмотря на то, что на карте магнитного поля можно различить аномалии, соответствующие возможным впускным захоронениям. В настоящее время оба недоисследованных кургана Ак-Кая X и Беш-Оба IV представляют собой фантастическое зрелище бесформенных гор земли и камней. Но еще более зловещими представляются новые разграбления, которым подверглись оставшиеся три крупнейших кургана в урочище Беш-Оба в 2003-2004 гг. При посещении могильника весной 2004 г. были замечены свежие раскопы у самой вершины каждого из них, которые при ближайшем рассмотрении оказались вертикальными шахтами размерами примерно 1.2 x 1.2 м, глубиной более 8-12 м, которые внизу переходят в горизонтальные ходы. Разграбления проводились с помощью специальной техники и лестниц, грунт вывозился в лощину неподалеку, поэтому на курганах нет следов выбросов земли. До сих пор эти колодцы оставляют самое жуткое и горькое впечатление. Важнейший курганный могильник Крымской Скифии фактически отдан в руки грабителей.

Центральное погребение кургана Беш-Оба IV можно интерпретировать как погребение представителя высшей скифской аристократии, стоявшей на один или два ранга ниже скифских царей [Колтухов, 2006, с. 240]. Хочется добавить, что это погребение можно, вероятно, интерпретировать как погребение номарха в связи с тем, что в нем был найден большой чернолаковый кратер, который, по наблюдениям Е.Е. Фиалко, можно считать символом номарха, управителя одной из областей Скифии [Фиалко, 2004].

В кургане IV/2 высотой 1,5 м, находящимся рядом с курганом IV, было обнаружено «коллективное» захоронение с хорошо выраженной ярусностью, опубликованное С.Г. Колтуховым [Колтухов, 1999, с. 65-70]. Автор считает, что первоначальное захоронение в этом склепе середины – вто-

рой половины IV в. до н.э. – синхронно большинству скифских погребений Ак-Кайского – Беш-Обинского курганного могильника. Более позднее «коллективное» захоронение было совершено в этом же склепе в период III-II вв. до н.э. [Колтухов, 1999, с. 60-61]. Автор, по всей видимости, прав, считая, что географически и хронологически «коллективное погребение» соотносится с городищем Вишенное, хотя расстояние до него составляет не менее 4 км.

Таким образом, к северу от Белогорска, в урочищах Ак-Кая, Беш-Оба, Джилга и вокруг них, находится один из важнейших курганных могильников, который, вероятно, нужно связать со ставкой верховных крымских правителей, существовавшей здесь с IV в. до н.э. до приблизительно II в. до н.э.

Интересно провести сравнение топографии этого могильника с другим могильником «царского» ранга, обнаруженного Б.Н. Мозолевским в междуречье рек Ингула и Ингульца в ходе анализа детальных карт и разведок. Здесь, на высоком правом берегу притока Ингульца, речки Висунь, там, где ее течение идет почти в широтном направлении, исследователем выделено шесть курганов высотой от 8 до 12 метров, из которых, по его мнению, пять первых, если считать с запада, принадлежат, бесспорно, скифам. Еще два кургана такого же самого типа и высоты находятся в 15 км к югу, поблизости от с. Сергиевка, еще один – в 8 км к югу, и, наконец, последний, находится примерно в 12 км к западу от Сергиевки [Мозолевский, 1990, с. 129-130]. Ни один из перечисленных курганов не исследовался раскопками.

Помимо этих, крупнейших, курганов вдоль по течению р. Ингулец и его притоков, начиная от его нижнего течения и места впадения в Днепр, находится огромное количество курганов (более 1900), слагающих цепочки и группы, вытянутые в меридиональном направлении. Они были выявлены нами по трехверстовой карте 1862 г. (рис. 15). Вместе они слагают неразрывный курганный массив, тяготеющий к реке и ее притокам, который, вероятно, можно интерпретировать как единый могильник в широком смысле этого слова, маркирующий территорию сезонных перекочевок одного племени или группы родственных племен. Курганы, находящиеся на данной территории, выделены В.С. Ольховским в единую Ингулецкую локальную группу, что отчасти, возможно, подтверждает правильность нашего предположения о принадлежности курганов одному и тому же племенному образованию. Вся территория по обоим берегам Ингульца с притоками представляет собой прекрасные пастбища, о чем свидетельствуют очень многочисленные скотные дворы, деревни, хутора и колодцы, отмеченные на карте конца XIX в.

Количество находящихся в Ингулецко-Висуньской группе крупнейших курганов примерно равно такому же их количеству в Белогорской курганной группе. Общее же число тяготеющих к ним средних и мелких курганов также сопоставимо, однако, следует иметь в виду, что характер перекочевок на правобережье Днепра и в Крыму, очевидно, был различен. Если для Ингулецко-Висуньской области мы вправе ожидать направление сезонных перекочевок

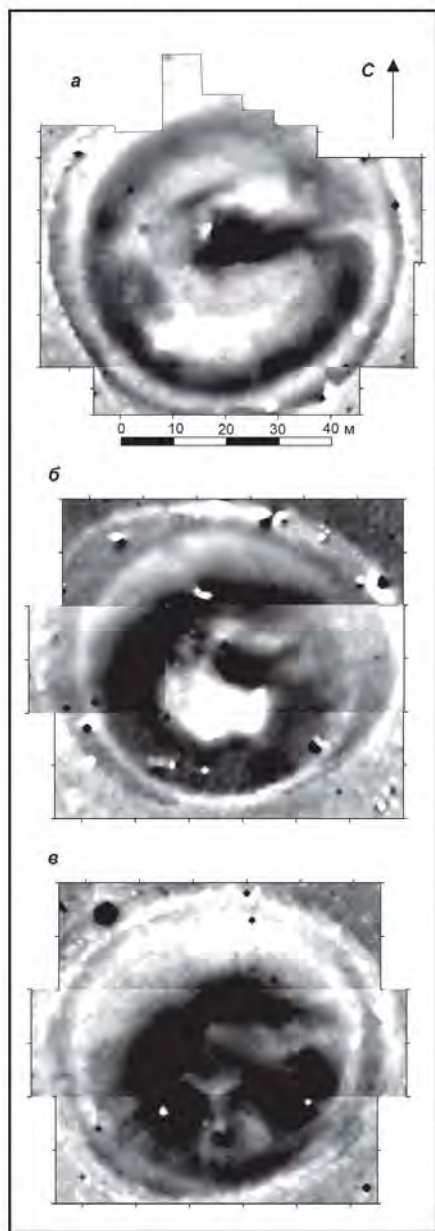

Рис. 14.

Рис. 15.

Рис. 14. Карта магнитного поля трех крупнейших курганов IV, II и I в урочище Беш-Оба.

Рис. 15. Карта распределения курганов в районе р. Ингулец и его притока р. Висунь, построенная на основе трехверстовой карты 1862 г. Херсонской губернии.

с севера (лето) на юг (зима), то для Крыма более вероятны перекочевки либо в широтном направлении, о чем могут свидетельствовать тянущиеся с запада на восток цепочки курганов, либо из степей в предгорья.

На берегах рек Висунь, Ингулец и Днепр, в районе впадения в него Ингульца, скифы, кочующие на этой территории, приходили в соприкосновение с жившими здесь оседлыми земледельческими племенами, вероятно, находившимися в зависимости от номадов. Не исключено, что они имели тесные связи и с Ольвией, которая находится от Висуньского могильника примерно на таком же расстоянии, как и Белогорский могильник от Пантикапея.

В Крыму, где оседлые земледельческие племена населяли Керченский полуостров и Тарханкут, а также и некоторые глубинные степные территории, «царские» скифы кочевали по степной части Крыма с целью получения дани с подвластных им земледельческих племен и греческих городов.

Таким образом, проведенные параллели показывают, что как Белогорский, так и Висуньский могильник могут быть признаны могильниками высшей скифской знати, в подчинении которой находились крупные части скифского мира, которые можно назвать Крымской и Западной Скифиями соответственно. Вероятно, правители этих областей находились в подчинении у верховных скифских «царей», могилы которых находятся вокруг Каменско-Никопольской переправы.

Эти выводы носят предварительный характер, так как оба «царских» могильника, Белогорский и Висуньский, нуждаются в дальнейших исследованиях.

Широтные цепочки курганов в степном Крыму

Необходимо хотя бы кратко остановиться на рассмотрении широтно направленных вытянутых курганных групп в северной части степного Крыма. На карте распространения курганов в Крыму отчетливо выделяются по крайней мере две цепочки курганов, тянущиеся в широтном направлении, начиная от Тарханкута, через весь Крым до берегов Сиваша (рис. 5). Они следуют особенностям рельефа местности и располагаются на вершинах широтно вытянутых холмистых гряд. Южная цепочка курганов в восточной части следует вдоль реки Салгир до Нижнегорского района, где фиксируется довольно крупная концентрация курганов, и далее на Керченский п-ов¹⁰.

Недавно были опубликованы материалы раскопок 1972 г. скифского курганного могильника у с. Братское Первомайского района Крымской области [Колотухин, Колтухов, 2007]. Этот могильник, вероятно, можно отождествить с курганной группой, находящейся к югу от д. Биюк-Конрат на полуверстовой карте конца XIX в., входящей в состав одной из рассматриваемых широтных «цепочек». Благодаря раскопкам 1972 г. мы сейчас можем судить о том,

¹⁰ Подчас эти цепочки идут параллельно системе Северо-Крымского канала. Об этом явлении уже писалось выше, см. прим. 6.

что представляли собой 12 курганов данной группы. Авторы раскопок считают, что данный курганный могильник рядового скифского населения возник в IV в. до н.э. вокруг кургана эпохи бронзы. Некрополь, вероятно, отражает переход от одиночных захоронений к асинхронным захоронениям в склепах, специально предназначенных для погребений членов одной семьи. Он использовался на протяжении длительности жизни не более чем двух поколений одной малой или неразделенной семьи [Колотухин, Колтухов, 2007, с. 107-108; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 72]. Таким образом, материалы этого могильника показывают, что он оставлен населением, переходящим или перешедшим к оседлому образу жизни.

От этой цепочки курганов отходит другая, опускающаяся к югу по реке Бююк Карасу и следующая далее на Керченский полуостров. От вышеупомянутой широтной цепочки идут вытянутые курганные группы вдоль по долинам рек.

Вероятно, рассмотренные курганные цепочки, тянущиеся в степном Крыму в широтном направлении, маркируют кратчайшие пути для передвижения скифов из Восточного Крыма в Западный. Они оставлены, вероятно, как кочевым, так и оседлым населением. Данные вытянутые курганные группы подчеркивают ландшафтные особенности северной части Крыма – широтно ориентированную складчатость рельефа. Курганы располагаются на вершинах вытянутых холмистых гряд. Точно такую же картину мы наблюдаем в Западном Крыму, где курганы кочевников занимают вершины увалов, следуя по ним цепочками.

О причинах кризиса III в. до н.э. и конца практики насыпания курганов в Северном Причерноморье

Наиболее загадочным является вопрос о причинах прекращения практики насыпания курганов в III в. до н.э. и о дальнейших судьбах древних племен, прежде насыпавших курганы. В Западном так же, как и в Восточном Крыму в III в. до н.э. фиксируется запустение сельскохозяйственных территорий и многочисленных сельских поселений предыдущего периода.

Одно из возможных объяснений этому явлению может быть связано с резким ухудшением экологической обстановки в III в. до н.э. Идея эта не нова, она впервые была выдвинута С.В. Полиным, но им, в основном, рассматривался вопрос об ухудшении природно-климатических условий [Полин, 1992]. Действительно, хорошо известны пагубные последствия джута (бескормицы вследствие снежных заносов и гололеда) для кочевников, когда, например, в 68 г. до н.э. у хунну от джута, как отмечает китайская летопись, погибло 6/10 народа и скота [Черников, 1978, с. 77].

Мне кажется, однако, что более верной является точка зрения Н.Г. Гаврилюк, которая считает, что причины кризиса III в. до н.э. имеют комплексный характер и включают в себя как внутренние социально-экономические изменения, так и внешние, связанные, однако, не с ухудшением природных условий,

а с истощением природных ресурсов. Действительно, природные ресурсы степи неограничены, и они определяют особенности и размах кочевого скотоводческого хозяйства. Недаром как в древности, так и в средние века типы кочевания остаются прежними. Для всех времен не заметно особых различий в видовом и процентном составе стада, в количестве скота, приходящегося в целом на душу населения, и в численности самого населения [Хазанов, 1975, с. 23].

Мне бы хотелось рассмотреть еще один аспект «экологической» гипотезы, а именно: истощение природных ресурсов степного Крыма, произошедшее под воздействием распашки больших территорий и неумеренного выпаса скота. Здесь интересно было бы провести параллель с катастрофической засухой 1891-1892 гг. в южно-русских степях. Основную ее причину В.В. Докучаев видел в их чрезмерной распаханности, неумелой обработке черноземных почв. Сравнивая водный режим прежних и современных степей, ученый отмечал, что в девственной степи ранней весной не было больших потоков воды, снег покрывал степные равнины равномерным слоем, а талые воды поглощались мощным войлоком и накапливались в многочисленных водораздельных западинах. На старопахотных же угодьях водные потоки бегут по всем направлениям, шумят, пенятся и размывают землю. «Таким именно путем, — писал он, — сносится с пашни огромное количество плодородного черноземного тука и кладется начало сети промоин и оврагов. Зато девственная степь использует почти всю атмосферную влагу, и горизонт почвенных вод ее стоит выше, источники многочисленнее и лучше обеспечены, а поэтому и растительность здесь, даже в исключительно сухие годы, когда кругом все пожигается солнцем, бывает несравненно лучше».

К таким же выводам о водном режиме девственной степи пришел сподвижник В. В. Докучаева — А. А. Измаильский. По его мнению, степь, покрытая безбрежным морем ковылей, непроходимыми зарослями бобовника, ракитника, дерезы, степной вишни, универсально использует все виды атмосферных осадков. Современная же степь, сбита скотом, с жалкой растительностью, не в состоянии впитать большого количества влаги, быстрее покрывается бурными потоками воды, которая, стекая без пользы в низины, уносит с собой огромное количество плодородного слоя почвы.

С распашкой и уничтожением девственных степей росло количество оврагов и увеличивались их размеры. Развитие овражно-балочной сети способствовало чрезвычайно быстрому сбеганию весенних вод с поверхности почвы, которая становилась почти сухой. Изменился характер весеннего половодья на малых степных реках: раньше спокойное, растянутое по времени, оно было бурным и кратковременным.

Главной причиной высыхания степей А. А. Измаильский считал агрикультурную деятельность человека. Человек лишил степь «гигантской растительности, — писал он, — и уничтожил тот толстый войлок из отмерших растительных остатков, который, как губка, всасывал воду и прекрасно защищал почву от иссушающего действия палящих солнечных лучей и неимоверной силы ветров.

Лишив степь веками накопленного войлока, он лишил растительность главного орудия в борьбе с неблагоприятными условиями местного климата. Степь утратила возможность задерживать на своей поверхности снег, который теперь легко сносился с нее малейшим ветром, оставляя поверхность совершенно лишенной снежного покрова, благодаря чему весной почва высыхала нередко раньше, чем успевала оттаять на полную глубину» [Измаильский, 1893]. Уменьшение количества атмосферной влаги, всасываемой почвой, по его мнению, равносильно уменьшению количества атмосферных осадков, ибо в конечном счете для рациональной организации полевого хозяйства степей важно не то количество влаги, которое выпадает в виде дождя или снега, а лишь то, которое всасывается и в последующем может быть использовано растениями.

Оседлые скотоводы и земледельцы степей XIX в. долгое время были заинтересованы в скорейшем подавлении стихийных сил природы. Дикая высокотравная степь доставляла крестьянину массу неудобств. Как писал А.А. Измаильский, «...в ее гигантской растительности трудно было наблюдать за животными, а эти последние в старых зарослях ковыля с трудом добирались до мягкого нежного травянистого подседа, наконец, обработка такой степи требовала больших усилий от хозяина, а полезные свойства этих первобытных степей хозяином не сознавались; поэтому немудрено, что хозяин как бы торопился освободиться от столь неудобных пространств; он палил степь, выбивал ее скотом, а затем распахивал, снявши несколько урожаев, вновь оставлял ее зарастать дикой растительностью, которую выбивал своим скотом, не давши достаточно окрепнуть».

Освоение степей (первые годы вспашки) сопровождается довольно высокими урожаями, резким изменением круговорота веществ, разрушением дернины и снижением содержания гумуса, азота, фосфора и калия, ухудшением физических свойств и водного режима. Выпахивание происходит тогда, когда в пашню не вносится достаточное количество органических удобрений. Оно сопровождается резким снижением содержания запасов органики, ухудшением морфологических признаков, уплотнением и усадкой почвы, вначале резким уменьшением урожаев, а затем их стабилизацией на довольно низких уровнях. В подобных случаях принято говорить о деградации черноземных почв [Чибилев, 1990, с. 143].

Большое воздействие на жизнь степи оказывали степные ежегодные осенние и весенние пожары, устраиваемые кочевыми и оседлыми народами. С помощью палов уничтожались сухая трава и стебли, оставшиеся с осени. По мнению кочевников, сухая ветошь не давала пробиться молодой траве и мешала скоту достать зелень. Образующаяся во время пожаров зола служила прекрасным удобрением для почвы. Но очевиден был и вред палов для кустарниковой растительности, которая выгорала до корня, чем и в большой степени объясняется сокращение лесистости степей.

Долгое время преобладающим видом скота в степи не только у кочевников были лошади и овцы. Табунное коневодство степных народов почти не меняло облика степи, разве что у водопоев, в песках, где могло идти разве-

вание грунта. Лошади быстро передвигаются по степи, и обширные степные участки, лежащие вдали от водопоев, использовались либо случайно, либо при прогоне стад от одного водопоя к другому.

Особенно большую роль в опустынивании степей играет выпас отар овец и коз, при котором разрушение целинного травостоя и верхнего горизонта почвы происходит быстрее, чем при выпасе крупного рогатого скота. Очень любопытен пример, который приводит В.Г. Мордкович [1982 г.]. Он высчитал, что давление маленьких копыт овцы на почву составляет 1 кг на 1 кв. см (для сравнения, давление гусениц танка в два раза меньше). Овца, проходящая в день до 10 км, оставляет за собой 40 тыс. следов, обстукивая, как кувалдочками, 200 кв. м. Ота-ра овец в 50 голов, потоптавшись в течение дня на 1 га, давит на каждый кв. см силой в 2 кг. Это равносильно тому, как если бы колонна из 30 танков плотным строем проутюжила бы степь четыре раза туда и обратно! [Чибилёв, 1990, с. 42].

Таким образом, появление оседлых земледельческих племен, которое фиксируется по археологическим данным в Восточном и Западном Крыму, начиная с конца V – IV вв. до н.э., было связано с коренными изменениями в типе хозяйствования, что могло привести к истощению природных ресурсов, особенно, если это сопровождалось иссушением и потеплением климата.

Как мне кажется, необходимо рассмотреть также и внешнюю возможную причину кризиса III в. до н.э. Как известно, в это время резко снижается боспорская торговля зерном. Что это – последствие запустения хоры? Или, может быть, наоборот, не востребованность на внешнем рынке товарного зерна привела к запустению сельскохозяйственных территорий? Скорее все же первопричиной экономического кризиса, в том числе резкого падения торговли зерном, следует считать изменения, произошедшие в степях Причерноморья, но в силу каких причин – остается пока загадкой.

Помимо ухудшения природных условий и ресурсов, в обезлюдении степи сыграли, вероятно, определенную роль набеги вражеских племен кочевников. Пока скифы оставались номадами, им не страшны были нашествия врага, так как они не имели «ни городов, ни заселенной земли, из-за которых поспешили бы драться из боязни, чтобы они не были взяты и опустошены» (Геродот, IV, 128). Оседлый образ жизни у племен, подвластных скифам, что фиксируется с конца V-IV вв. до н.э., сделал их уязвимыми для воинственных пришельцев. То, что в конце VI в. до н.э. не смог сделать Дарий I со своей огромной армией [Черненко, 1984], оказалось под силу более поздним врагам. Возможно, именно об этом периоде красноречиво повествуется в «Библиотеке» Диодора Сицилийского [II, 43, 7- Латышев, 1893, с. 459], где говорится о савроматах, которые «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Гипотезы о сарматском нашествии придерживались М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов. Отсутствие археологических памятников III в. до н.э. в степях Приднепровья и в Крыму, которое фиксируется многими археологами [Кругликова, 1975, с. 93, 203;

Былкова, 2007, с. 126, 128; Полин, 1992, с.122, Пуздровский, 2007, с. 87 и др.] на деле может оказаться просто скудностью материальных следов пребывания нового пришлого кочевого населения. По К. Ф. Смирнову, «завоевательный» период мог продолжаться около 150 лет, когда основная часть сарматов могла находиться за Доном, а отдельные отряды разоряли и грабили скифские владения [Смирнов, 1964; 1984, с. 115-123]. Возможно, что одним из объектов грабежа могли быть богатые скифские курганы. Вероятно, неслучайно присутствие в рассказе Геродота пассажа о вызове Дарию I, который скифы бросили ему. Вызов заключался в том, чтобы персы разыскали могилы предков скифов и разорили их, тогда только скифы будут воевать в открытом бою с войсками Дария I. Не исключено, что позднее грабителями «царских» скифских курганов могли быть сарматы.

Возможно, что часть уцелевшего оседлого и населения из степей переместилась в район крымских предгорий и в прибрежные районы Западного Крыма. Здесь, как известно, находятся так называемые позднескифские городища (рис. 5). При возникновении военной угрозы людям пришлось покинуть неукрепленные селища и укрываться под защитой стен городищ. При такой резкой смене образа жизни, изменилась и социальная структура общества, и, как следствие, трансформировался и погребальный обряд. Не исключено, что появление «коллективных» захоронений связано именно с необходимостью жизни скученно большими коллективами на ограниченных территориях убежищ или примыкающих к ним селищ, прежде всего для организации обороны.

После того, как сарматы заняли опустошенную территорию, они, вероятно, вели какое-то время кочевой образ жизни, который археологически фиксируется с большим трудом, тем более, что новые номады не сооружали курганов, но хоронили в них. Отметим, что материальные проявления этого периода все же имеются, например, некоторые постройки конца III- II вв. до н.э. на месте будущих городищ на правом берегу Днепра [Гаврилюк, 1999, с. 313-315], одно из захоронений на могильнике Ак-Таш (третья четверть III в. до н.э.), захоронения в Керченском Приазовье [Масленников, 1993, с. 64-65; 1995]. Очень любопытен в этой связи курган в Чистеньком, поблизости от Симферополя, раскопанный в 1994 г. Северо-Крымской экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ под руководством С.Г. Колтухова, в котором было обнаружено катакомбное воинское захоронение с боевым конем, уникальное по набору предметов и обрядовым признакам [Колтухов, Тощев, 1998, с. 40-51, 174; Зайцев, Колтухов, 2004]. Авторы последней публикации делают вывод о том, что комплекс из Чистенького может быть атрибутирован как захоронение легковооруженного воина-всадника высокого социального ранга – представителя варварской группировки, господствовавшей в Северном Причерноморье в середине-второй половине II в. до н.э. И.Н. Храпунов считает возможным датировать его более ранним временем: III в. до н.э. [Храпунов, 2004, с. 102].

Возможно, археологические памятники III в. до н.э. в будущем все же будут найдены или выделены среди уже обнаруженного материала, что по-

зволит дописать недостающую страницу в истории народов, соорудивших курганы в Причерноморских степях.

О причинах прекращения практики насыпания курганов в степях Северного Причерноморья

Мне представляется, что одной из главных причин прекращения обычая создавать курганные насыпи над захоронениями в III в. до н.э. является коренное изменение в хозяйственно-экономическом укладе и переход скифов от кочевого образа жизни к оседлому. Как мы видели, курганы возникли, вероятно, в кочевнической среде и характерны прежде всего для нее. Одной из главных идей насыпания курганов, вероятно, можно назвать желание сделать могилы предков видимыми в бескрайних степях.

Процесс прекращения сооружения курганов был «растянут» во времени и пережил, возможно, несколько стадий. Первая стадия трансформации курганного обряда была малозаметна, она связана с периодом начальной оседлости, признаки которой фиксируются в Восточном, Западном, а также, отчасти, и в Центральном степном Крыму. В связи с переходом к оседлому образу жизни на первое место выступает забота об устройстве жилища и необходимых сопутствующих хозяйственных постройках, и хотя сооружение погребальных памятников продолжает играть огромную роль, крупные курганы возле поселений больше не насыпаются. Небольшие родственные коллективы не обладали соответствующими трудовыми ресурсами для сооружения монументальных курганов. Курганы теряют свое значение как путевые ориентиры в степном пространстве. Для жителей того или иного поселения совсем необязательно было маркировать могильник своих сородичей огромными курганами, они и так превосходно знали местность, в которой постоянно обитали. Скорее, курганы служили пограничными знаками для чужаков, и обозначали границы владений того или иного рода.

На Тарханкуте могильные каменные насыпи, группирующиеся в кластеры и располагающиеся рядом с соответствующими поселениями, обычно небольшие и примерно одинаковые по величине, что может говорить о социальном равенстве общинников. Погребальные сооружения рассчитаны на многократные подзахоронения, вероятно, членов одной семьи.

На наш взгляд, небольшие курганы с каменными склепами и ящиками с многократными асинхронными захоронениями могли являться неким промежуточным звеном между «классическими» одиночными и «коллективными» подкурганскими погребениями с множеством костяков. Обычай использовать подкурганную гробницу для нескольких подхоронений родился, очевидно, именно в связи с оседлым образом жизни. В более позднюю эпоху использование каменных гробниц под курганной насыпью для множественных «коллективных» погребений говорит о том, что представления о загробном мире все еще оставались прежними как в IV в. до н.э., так и в III-II вв. до н.э.

Очень важными для изучения перехода от нескольких к множеству захороне-

ний в каменных подкурганных гробницах являются погребения, детально исследованные А.А. Масленниковым в Керченском Приазовье [Масленников, 1995]. Им было доказано, что имеется генетическая преемственность между каменными ящиками, стоящими на поверхности с единичными костяками, каменными ящиками, заглубленными в землю с небольшим количеством костяков, и подкурганными склепами, содержащими несколько десятков костяков. По мнению А.А. Масленникова, по крайней мере два последних типа погребений оставлены оседлым земледельческим населением, жившим вначале на селищах, а затем перебравшимся под защиту стен крепости Золотое-Восточное. На мой взгляд, происхождение «коллективных захоронений» под курганными насыпями, известных в других частях Крыма, вероятно, также можно возводить к оседлым земледельческим племенам, в более ранние эпохи оставившим гробницы в виде каменных ящиков, стоящих на поверхности, или заглубленных в землю.

В свою очередь «коллективные захоронения» в курганах, вероятно, являются переходным звеном к бескурганным склепам с многочисленными захоронениями, как, например, те, которые известны на Восточном некрополе Неаполя Скифского [Сымонович, 1983]. Подкурганные «коллективные захоронения», возможно, являются последними проявлениями использования курганного обряда.

«Коллективные захоронения» - специфически крымское явление. Они отражают особую структуру общества. Это уже не отдельные семьи, а большие родственные коллективы, роды. Здесь мы как будто бы наблюдаем эволюционный «шаг назад», от семейной структуры общества обратно к родовой. Вероятно, подобные регрессивные перемены могут быть следствием тех резких изменений, которые произошли в условиях жизни и в социальной организации общества. Не исключено, что эти изменения произошли в связи с военной угрозой и необходимостью селиться на ограниченных территориях под защитой крепостных стен. Ранее, возможно, предки людей, оставивших «коллективные захоронения», свободно проживали отдельными семьями в домах-усадебках, составляющих селища, причем каждая деревня владела небольшими земельными угодьями. Теперь, в силу изменившихся условий, они вынуждены были создавать большие коллективы и селиться вместе под защитой стен крепостей для того, чтобы обладать реальной силой и возможностью при необходимости защитить свои земли от врагов. Не исключено, что большие «коллективные» погребения отражают военизированную родовую структуру общества, когда члены одного рода входили одновременно и в одно военное подразделение. Скорее всего, это были пешие воины, бедняки [Граков, 1971, с. 39]. Возможно, «коллективные захоронения» характерны для периода существования постоянной военной угрозы тогда, когда необходимо было иметь постоянное ополчение.

Многие из высказанных положений в данной статье требуют дальнейшей проверки в ходе раскопок и полевых наблюдений. Автор надеется на продолжение исследований и публикацию в ближайшем будущем статей, посвященных курганам Западного и Восточного Крыма, а также Приднепровья.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание и попытка локализации курганов, раскопанных в окрестностях Симферополя по архивным и опубликованным данным

I. Курганы к северу от Симферополя

Рассмотрим курганы, раскопанные проф. Н.И. Веселовским в 1890-1895 гг., по территориальному признаку, т.е. по нахождению их в пределах отдельных земельных владений, что облегчает их локализацию по архивным данным и детальным старым и современным картам. Интересующий район принадлежал нескольким помещикам.

Курганы на землях М.Д. Талаевой.

В имении М.Д. Талаевой в 1890-95 гг. Н.И. Веселовским было раскопано несколько курганов. Поиску расположения одного из них недавно посвятил свою статью С.Г. Колтухов [Колтухов, 2008, 21-22]. В отчете Н.И. Веселовского за 1892 г. дан глазомерный план, составленный учителем математики Симферопольской гимназии, членом ТУАК

Х.А. Монастырлы, который озаглавлен «План курганов на землях г-жи Талаевой и г. Пастака. 1892 г.» (рис. 16). Южная часть этого чертежа успешно используется С.Г. Колтуховым для локализации курганов на землях Пастака [Колтухов, 2008, 21-22]. В северной его части, относящейся к талаевским курганам, приведена четкая схема расположения пяти курганов в землях Талаевой с указанием расстояния между ними и до ближайшего пастаковского кургана в шагах. Курганы обозначены прописными буквами «а»-«е». Раскопаны были курганы «е» (1891 г.), «а», «в», «д» (1892 г.), возможно, курган «с» (1895 г.). Этот план прекрасно согласуется с курганами, показанными на карте-

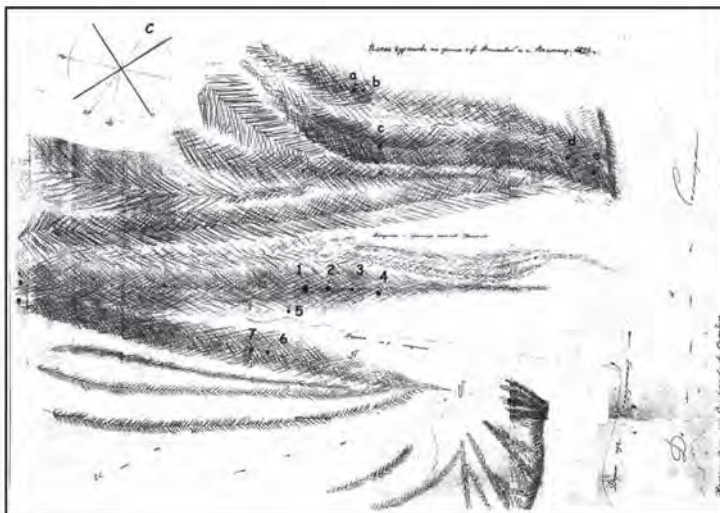

Рис. 16. Глазомерный план, составленный учителем математики Симферопольской гимназии, членом ТУАК Х.А. Монастырлы, который озаглавлен «План курганов на землях г-жи Талаевой и г. Пастака. 1892 г.». РА ИИМК РАН ф. 1, оп. 1, 1892 г., д. 13, л. 29.

Надпись на плане:
 между курганами 1 и 2 расстояние = 200 шагам
 между курганами 2 и 3 расстояние = 200 шагам
 между курганами 3 и 4 расстояние = 240 шагам
 между курганами 1 и 5 расстояние = 240 шагам
 между курганами 5 и 6 расстояние = 400 шагам
 между курганами 6 и 7 расстояние = 170 шагам
 между курганами а и в расстояние = 60 шагам
 между курганами в и с расстояние = 570 шагам
 между курганами 4 и с расстояние = 1260 шагам

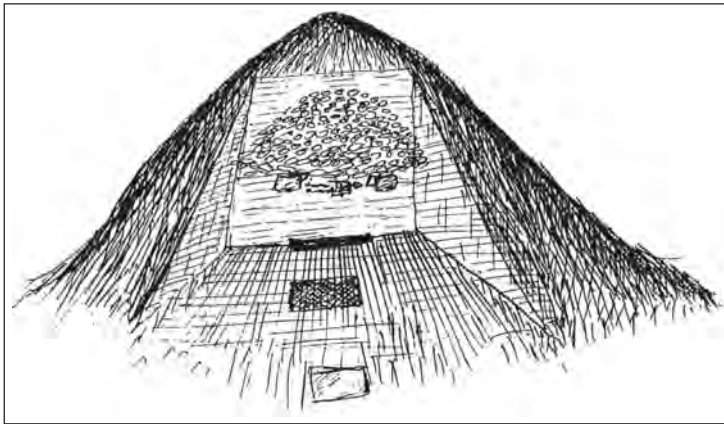

Рис. 17. Раскопки второго Талаевского кургана 1890 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890 г., л. 35об.

полуверстке конца XIX в (рис. 8), а также на карте 1955 г. масштаба 1:25000.

Итак, два кургана в землях М.Д. Талаевой были раскопаны в 1890 г., еще четыре, среди которых самый известный, вошедший в науку под названием «талаевский», - в 1891 г., и три кургана - в 1892, один - в 1895 гг. Всего, таким образом, раскопано 10 курганов. Мы попытались локализовать все эти курганы и дать их

описание на основании изучения, в первую очередь, материалов рукописного и фото-архивов ИИМК РАН, а также публикаций в ОАК и ИТУАК.

В 1890 г. в имении Талаевой были раскопаны два кургана, находящиеся за полотном железной дороги, к востоку от нее (рис. 2, курганы Т 1890/1 и Т 1890/2). Большой курган (Т 1890/1), высотой почти 7 м, был раскопан большой траншеей с юга; он дал несколько погребений, из которых первоначальным, вероятно, было скорченное безынвентарное погребение. Над ним, на высоте 1 саж. от материка находилось впускное погребение с бревенчатым перекрытием и куполообразной каменной насыпью (рис. 17). В этом погребении скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на восток. При нем были кремневый наконечник копья и черный глиняный горшок, у северной стены гробницы найдены были угли. Кроме этого в кургане находились сложенная на материке из плит и плитами закрытая гробница, в которой лежали кости вола, а также, в материке, безынвентарное погребение со скелетом головой на восток с разведенными в коленях и сомкнутыми в ступнях ногами. В этой могиле встречены кусочки угля. В насыпи кургана найден детский проволочный серебряный браслет [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890, л. 35, 35об.; ОАК 1890, с. 8].

Второй курган 1890 г. (Т 1890/2) находился примерно в 1-м км к северу от предыдущего кургана, раскопанного в этом же году (рис. 8, курган Т 1890/2). В нем вскрыто «коллективное» захоронение, которое было впущено в курган поверх основного, скифского, захоронения, вероятно, IV в. до н.э. «Коллективное» захоронение совершено в большой яме (2,1 м длины с востока на запад, 1,42 ширины), впущенной в материк (1,8 м). В ней находилось 8 скелетов, кости которых были в беспорядке; 4 черепа лежали рядом. Все они были обращены на запад [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890, л. 35об.-36; ОАК 1890, с. 8]. Погребение было разграблено. При разборе найдены черепки глиняных сосудов, разбитая глиняная патера, 2 бронзовых проволочных браслета, бронзовое кольцо, мелкие желтые и зеленые бусы и бронзовое зеркало с железной ручкой. По мнению автора раскопок, эти вещи попали в верхнее погребение из разоренного основного, находящегося ниже. Под костяками находились небольшие плитки известняка.

С западной стороны были обнаружены две большие известняковые плиты, по-видимому,

перекрывавшие яму основного захоронения. Оно представляло собой большую прямоугольную, впущенную в материк яму размерами 2,84 м x 1,42 м, глубиной 1,66 м. Две других плиты перекрытия рухнули вниз. Могила была ограблена, человеческих костей в ней было не много. Из вещей найдены 2 амфоры, одна из них с клеймом. Т.Н. Троицкая определила эту амфору как гераклейскую второй половины IV в. до н.э. с нечитаемым энглифическим клеймом на горле [Троицкая, 1957, с. 178-179, рис. 4 б]. Кроме этого здесь были найдены 3 глиняных горшка, из которых один приземистый лепной лощеный кувшинчик (там же, с. 179, рис. 2б), второй, вероятно, чернолаковый канфар высотой 9 см (см. рис. 18), другой желтой глины высотой 15 см (рис. 19). Кроме этого здесь находились цветная бусина в виде птицы, черная бусина с человеческим лицом (см. рис. № 4 и № 5 в ОАК за 1890 г. с. 10). Таким образом, мы имеем дело, вероятно, с коллективным позднескифским захоронением, впущенным в курган с основным захоронением второй половины IV в. до н.э. (амфора и канфар). Подобная практика была довольно широко распространена в районе крымских предгорий, так как известно уже довольно много аналогичных примеров [Колтухов, 2001, с. 61].

В 1891 г. Н.И. Веселовским был раскопан курган (Т 1891/1) (вошедший в научную литературу под названием «Талаевский»), находящийся на обрывистом берегу у спуска к р. Салгир (см. рис. 8, карту на рис. 16, курган «е»). Имеется некоторое несоответствие в высотах кургана, указанных Н.И. Веселовским (1½ саж. = 3,2 м) и на карте-полуверстке (2,2 саж. = 4,7 м), которое можно, вероятно, объяснить тем, что высота измерялась относительно разных уровней поверхности с восточной или западной стороны кургана.

При раскопках, проводившихся с юга прямоугольной траншеи (рис. 7, а), прежде всего показалась стена (в ОАК написано «круглая стена», но в отчете Н.А. Веселовского слово «круглая» отсутствует), сложенная из больших камней в один ряд (ОАК, с. 76, Отчет, л. 24). Далее показался слой белой материковой глины и навал камней размером в диаметре 5,3 м, высотой 3,2 м, покрывающих гробницу сплошным куполом, образующих как бы особый каменный курган, покрытый сверху земляной насыпью (рис. 7, б). Гробница, вырытая в материке, имела деревянное перекрытие, которое, сгнив, не выдержала вес камней, рухнувших поэтому внутрь. Она имела четырехугольную форму (3,9 м x 1,8 м) глубиной в 2,1 м, стенки были тщательно выложены камнями в один ряд и оштукатуренные. Всего в кургане было обнаружено пять амфор. В насыпи над гробницей,

Рис. 18. Канфар из раскопок второго Талаевского кургана 1890 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890 г., л. 72, № 62.

Рис. 19. Горшочек желтой глины из раскопок второго Талаевского кургана 1890 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 48, 1890 г., л. 72, № 61.

на 1,42 м под вершиной и столько же от материка, была найдена амфора с надписью на горлышке внутрь, но она по неосторожности была разбита. Из всех амфор, обнаруженных в кургане, только одна, синопская, хранится в Симферопольском историко-краеведческом музее. Она была опубликована Т.Н. Троицкой [1957, с. 177-178, рис. 4, 1].

Внутри гробницы находились еще три амфоры – по всем углам, за исключением юго-западного, где была устроена каменная полочка, на которой лежали кости задней части быка и железный нож с костяной ручкой. У южной стенки гробницы находились чернолаковая раздавленная «вазочка» (канфар ?) и желтоглиняный кувшинчик. Здесь же найдены железные гаечки для ремней и три железные бусины – ворворки. Положение костяка было вытянутое на спине, головой на запад. В ногах находился ритон, сделанный из оленьего рога с серебряной обкладкой, раздавленный камнями. Ритон вместе с другими найденными вещами был опубликован А.П. Манцевич и датирован ею второй четвертью IV в. до н.э. (1957). Здесь же был раздавленный округлый бронзовый предмет, предположительно, шлем с остатками кожи с внутренней стороны, справа от покойного лежали пять копий, острями к голове, а круглыми наконечниками к ногам (рис. 21). Острия имели вид: одно - тонкого стержня, два – в форме казацкой пики и два в форме дротика (рис. 22). У пояса справа находился железный топорик-секира длиной 35 см с деревянной истлевшей ручкой, просунутой под тело (рис. 22, в центре; рис. 23). Ручка была обвита золотой лентой, закрепленной золотым гвоздиком к древку [Манцевич, 1957, с. 159, рис. 4]. Здесь же находился точильный брусок с рукоятью, оправленной в золотую фольгу с выбитым изящным орнаментом со следами эмали (рис. 24) [см. также рис. 57 в ОАК за 1891 г., с. 78; Манцевич, 1957, с. 159, рис. 3]. Бронзовый чешуйчатый наборный пояс имел такое же украшение, раздавленное камнями. Слева от покойного лежали бронзовые трехгранные толстые наконечники стрел. На правой руке было надето кольцо в виде змейки, на левой – серебряное со щитком [Манцевич, 1957, с. 159, рис. 7б, 7а]. На шее была золотая гривна с львиными дутыми орнаментированными головками на концах (рис. 25) [см. также рис. 58 в ОАК за 1891 г., с. 78; Манцевич, 1957, с. 159, рис. 6]. Это основное погребение можно датировать третьей четвертью IV в. до н.э. и интерпретировать его как захоронение «дружинника» [Колтухов, 2008, с. 22] или даже «колпаконосца», так как в могиле присутствовал бронзовый шлем.

Западная пола этого кургана была доследована Н.И. Веселовским в следующем, 1892 г. [РА ИИМК, ф.1, 1892 г., д. 13, л. 21об.]. Здесь им была найдена впускная гробница¹, не доходившая до материка 0,9 м, длиной 1 м. Детский скелет лежал головой на юг. В изголовье находился кувшин желтоватой глины. На груди скелета лежало бронзовое зеркало, с дырочкой посередине и с отломанным краем. На шее были сердоликовые и иные бусы, в середине которых была серебряная пластинка в форме полумесяца. На руке были мелкие, а на поясе крупные черные бусы. Возможно, это погребение связано с основным погребением воина. Других гробниц в кургане не обнаружено.

Кроме того, Н.И. Веселовским в 1891 г. раскопаны еще три небольших кургана, по правую сторону от (железной) дороги на возвышенности у большого кургана, раскопанного в 1890 г. (рис. 8) [РА ИИМК, ф.1, д. 22, 1890, л. 26]. Из них самый маленький (Т 1891/2), едва заметный курган заключал в себя гробницу в виде узкого ящика, ориентированного

¹ В тексте архивного отчета указано «женская гробница» [РА ИИМК, ф.1, 1892 г., д. 13, л. 21об.], хотя дальше идет речь о детском костяке. Небольшие размеры гробницы позволяют предположить, что это все-таки было детское погребение.

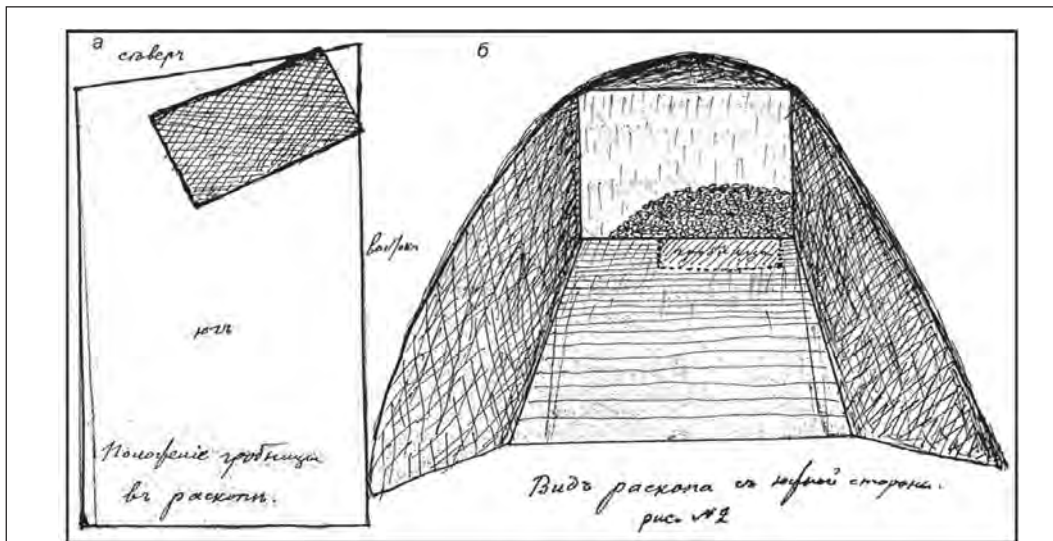

Рис. 20

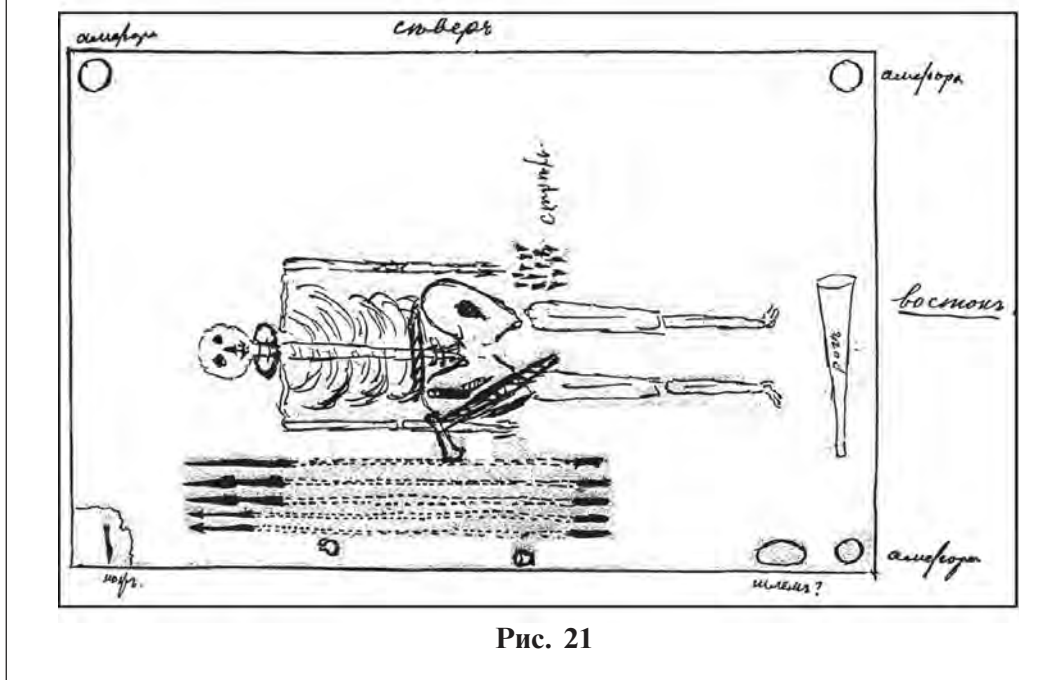

Рис. 21

Рис. 20. Раскопки «Талаевского» кургана 1891 г. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 22, 1891 г., л. 24.

Рис. 21. Схема расположения костяка и вещей в «Талаевском» кургане 1891 г. Рисунок в отчете Н.И. Веселовского. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 22, 1891 г., л. 25.

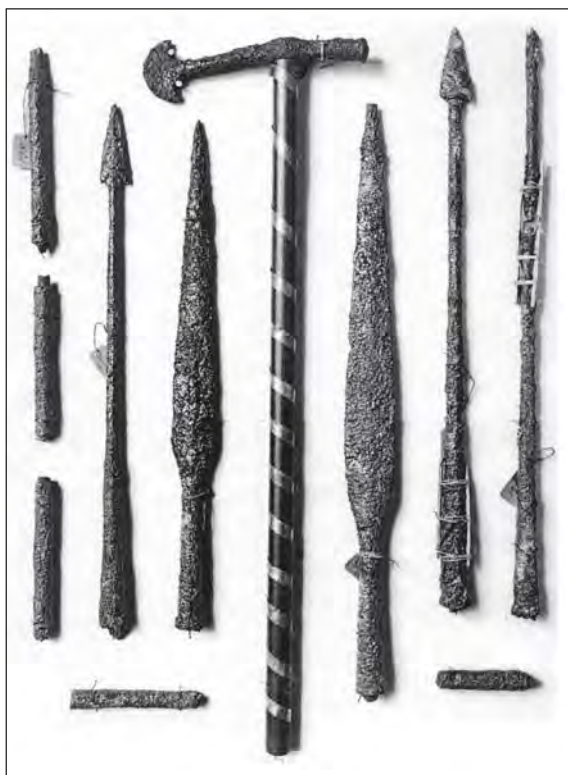

Рис. 22. Фотография пяти наконечников копий и секиры из «Талаевского» кургана 1891 г. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-214.

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

с востока на запад, длиной 2,13 м, шириной 0,9 м. В нем помещался деревянный совершенно сгнивший гроб, от которого сохранились железные скобы (пластины, согнутые под прямым углом) и другие железные детали. Скелет лежал головой на восток, на спине. В юго-восточном углу находился большой кувшин с поперечными рубчиками, с одной ручкой. В другом, северо-восточном углу, находились баранья бедренная кость и астрагал, с левой стороны – витая серебряная серьга, у пояса – кусок истлевшей кожи с бронзовым кружком. По сторонам найдено несколько железных наконечников копий. В ногах с южной стороны – медный котелок с железной круглой ручкой, наконечник от древка, железные принадлежности от ящика, железная пряжка и железные удила.

Два других небольших кургана (Т 1891/3 и 4) не дали почти ничего. В одном могила имела форму сегмента круга (1,8 м x 1 м) и внизу расширялась подбоем. Скелет лежал головой на восток в согнутом положении. В другом кургане скелет был выкинут из могилы, а в самом кургане ничего не оказалось.

В 1892 г. Н.И. Веселовский раскопал курган «а» (Т 1892/1) (рис. 8, 16), находящийся в «степи», по размерам больше других (3,2 м высотой). Во впускной могиле с южной стороны кургана был обнаружен

Рис. 23. Рисунок секиры из «Талаевского» кургана 1891 г. РА ИИМК, ф.1, оп. 1, д. 22, 1891 г., л. 53.

Рис. 24. Фотография точильного бруска с рукоятью, оправленной в золотую фольгу с выбитым изящным орнаментом со следами эмали из «Талаевского» кургана 1891 г. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-213.

Рис. 25. Фотография золотой гривны с львиными дутыми орнаментированными головками на концах в виде львиных головок из «Талаевского» кургана 1891 г. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-213.

костяк ярко красного цвета. Эта могила была перерезана другой впускной могилой, находящейся в самом центре кургана, к которой, очевидно, относились кости в беспорядке, железный чешуйчатый панцирь и бронзовые треугольные наконечники стрел. В нее, в свою очередь, очевидно, была впущена еще одна могила, потревожившая первое центральное впускное захоронение. Этот новый покойник лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на запад. В головах стояла глиняная амфора без клейма. Вероятно, она относилась к первому покойнику. К нему же, возможно, относились и другие находки: серебряная накладка от поясной пряжки, золотая пластинка с медными гвоздиками, большие тонкие серебряные полосы с серебряными гвоздиками, железные обломки от наконечников копий (?) и маленький глиняный узорчатый сосуд. Основное погребение этого кургана было совершено в прямоугольной яме, имеющей форму ящика, ориентированного с севера на юг (1 м х 0,5 м, глубиной 0,5 м). Покойник лежал с согнутыми ногами, головой на юг. В насыпи кургана были выявлены также две ямки, заполненные человеческими костями [РА ИИМК, ф. 1, д. 13, 1892, л. 20 об.].

Из двух небольших курганов, находящихся неподалеку от предыдущего, Н.И. Веселовский раскопал восточный (Т 1892/2), высотой ок. 1,4 м (курган «б» на рис. 8, 16). В нем оказались две могилы, вырытые в материке, параллельно друг другу, в направлении восток-запад. В северной могиле скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад, ноги согнуты в коленях, кости окрашены в красный цвет. В другой могиле костяк лежал вытянуто головой на восток, ноги согнуты в коленях. Этот курган ямного времени.

Третий курган, раскопанный Н.И. Веселовским в 1892 г. (Т 1892/3), находился по соседству с богатым курганом, раскопанным в 1891 и доследованным в 1892 гг. Здесь можно было, казалось, ожидать погребения, подобного соседнему, но на деле оказалось, что курган этот совершенно иной. В самом центре находилась впускная могила, не доходившая до материка на 0,7 м, заваленная камнями, с множеством человеческих и бараньих костей, лежащих в беспорядке («коллективное захоронение» ?) [РА ИИМК, ф. 1, д. 13, 1892, л. 21]. Здесь же найдено 30 бронзовых трехгранных наконечников стрел, просверленный клык (амулет ?) и астрагал. Под этой могилой обнаружена впускная детская гробница, слегка впущенная в материк и заваленная речными гольшами. В головах найдены два горшка грубой работы, с закругленным дном. Далее к центру оказалась круглая могила, заполненная золой, углями и пережженными костями. Прямо под ней было, вероятно, основное захоронение в виде каменного ящика (1,4 м х 1 м), ориентированного с севера на юг. Скелет в нем лежал на правом боку лицом на запад, у головы находился брусок охры. Ноги слегка подогнуты, руки вытянуты прямо к коленям.

И, наконец, в 1895 г был раскопан еще один курган (Т 1895) в имении М.Д. Талаевой [РА ИИМК, ф.1, д. 93, 1895, лл. 39об.-40, ИТУАК, с. 146-147]. В этом году проводились широкомасштабные раскопки курганов на всей территории возвышенного плато к западу от Салгира и к северу от железной дороги. Ввиду важности глазомерного плана, составленного Н.И. Веселовским для локализации раскопанных курганов, приводим здесь обе его версии: первоначальную архивную и адаптированную для публикации в ИТУАКе (рис. 26, 27) [РА ИИМК, ф.1, 1895, д. 93, л. 43; ОАК 1895, с.14-15; ИТУАК 24, 1896, с. 144]. Судя по описанию местоположения кургана, раскопанного на земле М.Д. Талаевой: «более двух верст на север от курганов, раскопанных на землях г. Крыма» [ИТУАК, 24, с. 146] это, вероятно, был курган «с», находящийся недалеко от раскопанных Н.И. Веселовским в 1892 г. курганов «а» и «б» (см. рис. 8). Его высота была 1,4 м, окружность – 53 м. Раскопан колодцем «на выкид». Основное погребение было ямного времени. Оно было вырыто в материке (2,1 м х 1,4 м, глубиной 1,2 м). Костяк, лежащий на спине на слое пепла с поджатыми ногами и втянутыми руками, и вся могила были выкрашены охрой,

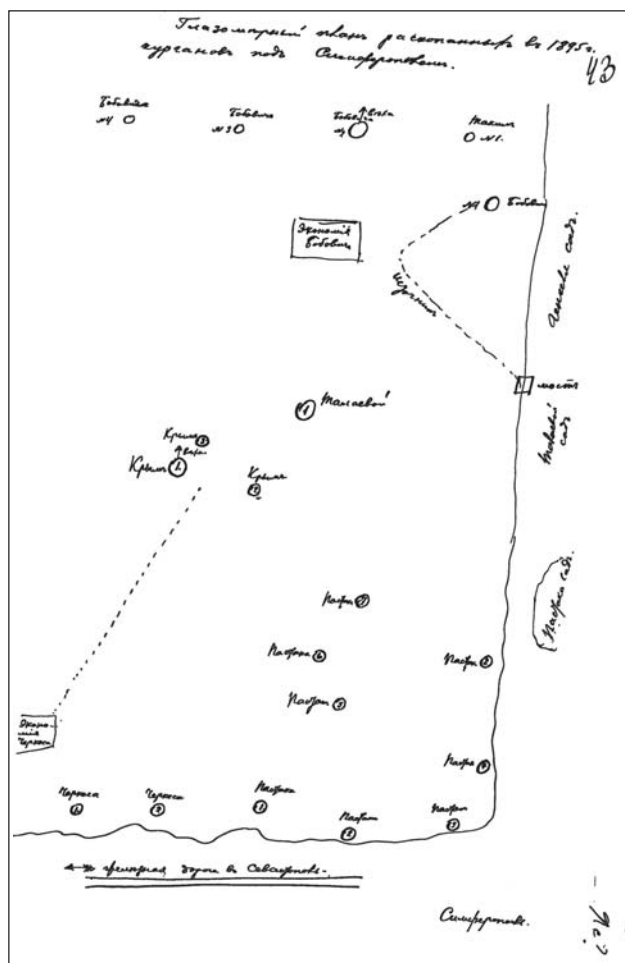

Рис. 26. Глазомерный план раскопанных в 1895 г. курганов под Симферополем [РА ИИМК, ф.1, 1895, д. 93, л. 43].

угольных бляшек с дырочками. С правой стороны скелета найдено медное украшение, поперек ног лежал меч 0,7 м длиной, 4,5 см шириной. У левой ноги найдены куски кожного колчана и 33 медных наконечников стрел с остатками древков в них, две медные трубочки (ворворки), медная пряжка, куски ножа [ИТУАК, 24, 1896, с. 146., 147].

Таким образом, из 10 раскопанных в землях М.Д. Талаевой курганов только два, или, может быть, три (курганы Т 1890/2, 1891/1 и, возможно, 1891/2) были насыпаны в скифское, остальные – в более раннее время (эпоха бронзы). Здесь обнаружен один, или, возможно, два кургана с коллективными захоронениями.

Курганы на землях И.О. Пастака

На соседних к югу землях И.О. Пастака (имение Сарайлы-Кият) раскопки проводились в 1892 и 1895 гг.

большие куски которой были также найдены в могиле. Здесь находился медный стержень.

Первое впускное захоронение представляло собой каменную гробницу (2,1 м x 1,15 м) из больших нетесаных плит, стоящих на ребре, впущенную в северную часть кургана на глубину 0,7 м от материка. В гробнице находились два скелета в вытянутом положении головами на запад. У головы одного из них был найден горшок черной глины с тонкими стенками, рассыпавшийся на воздухе. У левого колена другого костяка был медный наконечник стрелы, а на левой руке – медный браслет. Под головами были несколько стеклянных бус.

За этой могилой дальше к северу находилась еще одна, впущенная в материк (длиной 2,1 м, шириной 1 м, глубиной 0,35 м). В ней находился скелет на спине, головой на запад, с согнутыми ногами. У головы был чернолощечный горшок с нарезным орнаментом: пояски из нескольких штрихов образуют ромбы по всей его поверхности. Он хранится в Симферопольском историко-краеведческом музее [Троицкая, 1957, с. 176, рис. 2 а]. Под скелетом был железный панцирь из четырех-

В 1892 г. Н.И. Веселовским проводились раскопки семи курганов (П 1892/1-7), находящихся на земле И.О. Пастака в урочище Дорт-Оба (см. курганы 1-7 на рис. 8). С.Г. Колтухов успешно локализовал эти курганы на картах конца XIX и середины XX вв. [Колтухов, 2008]. Он же приводит краткую характеристику этих погребений. Могильник появился еще в ямное время, сооружение курганов 2 и 3 может быть отнесено к скифскому времени.

К довольно подробному описанию раскопанных курганов, приведенному в публикации [ОАК за 1892 г., с. 6-13], а также к оценке погребений, данных С.Г. Колтуховым [Колтухов, 2008, с. 20-21] мало что можно добавить из отчета Н.И. Веселовского, хранящегося в РА ИИМК. Хочется только привести фотографию момента раскопок наиболее известного кургана № 2 (т.н. «Пастака») (рис. 28) и дать более подробное описание кургана с возможным «коллективным захоронением» (курган № 3), основное погребение которого относится к скифскому времени.

При раскопках кургана № 3 было отмечено большое количество камней. По рассказам работников, «в нем очень много камня, так что пахать его трудно».

Под каменным завалом оказалось очень большое количество человеческих костяков (несколько десятков), сверху заваленных огромными камнями. Скелеты эти не доходили до материка. Вещей при них не найдено никаких [РА ИИМК, ф. 1., д. 13, л. 23 об.].

Основное погребение находилось ниже и представляло собой четырехугольный ящик, ориентированный с запада на восток. Оно представляет собой богатое женское захоронение, датирующееся IV в. до н.э., имеющее отношение к захоронению «колпаконосца» (по определению С.Г. Колтухова) в соседнем кургане № 2. В насыпи найдены разбитая амфора и разбитый «полированный» (чернолаковый? или лощеный?) горшочек.

Гробница была выложена камнем в виде плиток, положенных плашмя (рис. 29, а), всего

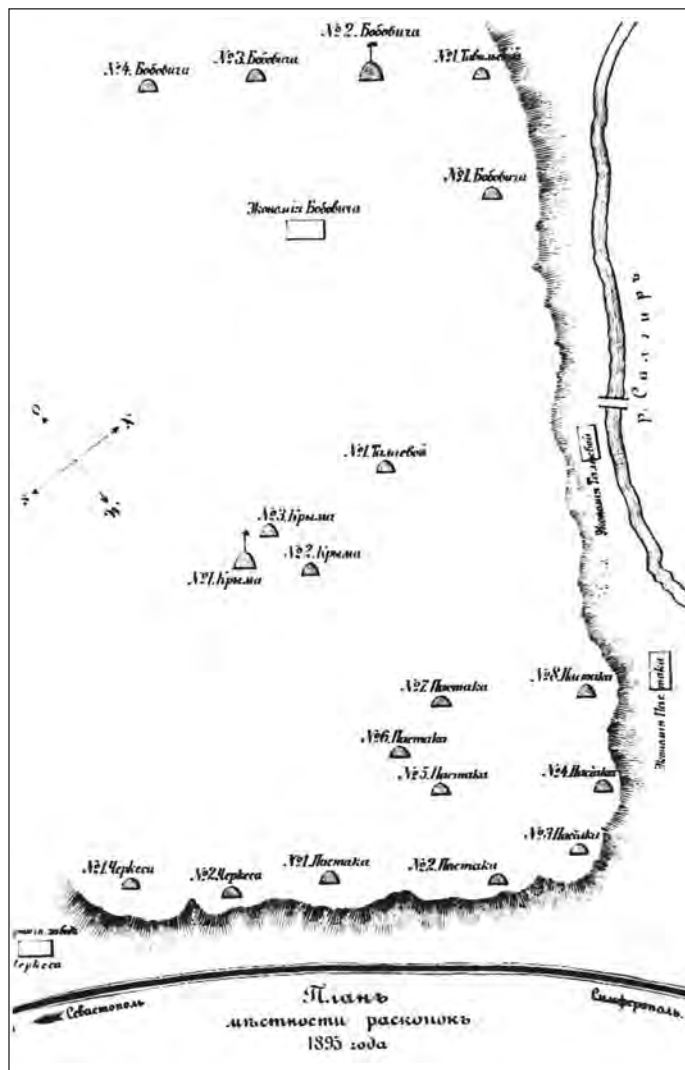

Рис. 27. План местности раскопок 1895 г. [ИТУАК 24, 1896, с. 144]

Рис. 28. Раскопки Н.И. Веселовского кургана № 2 («Пастака») в 1892 г. ФА ИИМК РАН, Q404-6

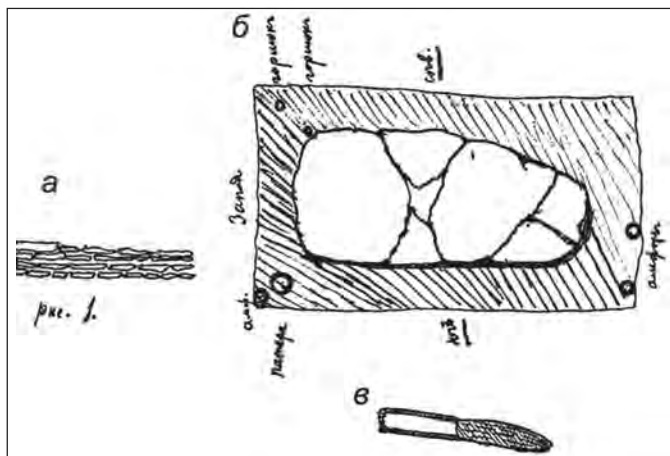

Рис. 29. Курган № 3 1892 г. в имени И.О. Пастака. Основное женское погребение. а) – кладка стенки гробницы; б) – помост из необработанных, больших плит на дне четырехугольной могилы; в) – железный нож из могилы.

в 15 рядов. В верхних рядах сохранились сгнившие бревна, положенные поперек, очень близко друг к другу. Вверху были заплечики. Женский скелет находился в сидячем положении на помосте из необработанных, больших плит, не закрывавших все дно четырехугольной могилы, ориентированной с востока на запад (рис. 29, б). В могиле найдены три амфоры, патера из красной глины, баранья кость с железным ножом (рис. 29, в), два сосуда – чернолаковый (?) и черноглиняный (см. расположение вещей на рис. 29, б).

На покойной были богатые одежды, расшитые золотыми бляшками, и золотые серьги, аналогичные найденным в 1868 г. в Эльтигене, другие драгоценные украшения [ОАК 1892 г., с. 11]. Расположение предметов и устройство гробницы напоминает таковые в «Талаевском» кургане Т 1891/1, а также в кургане Т 1890/2 (см. выше).

Для нас важно отметить, что так же, как и в кургане Т 1890/2, более позднее, возможно, коллективное захоронение впущено в курган IV в. до н.э.

В 1895 г. Н.И. Веселовским раскопано еще 8 курганов в землях И.О. Пастака. Их локализация возможна на основе плана, приведенного как в архи-

вном деле, так и в публикации в ИТУАК (рис. 26 и 27), но не очень определена в силу отсутствия точных ориентиров или ярких примет курганов.

Первый курган (П 1895/1), раскопанный в 1895 г. на землях И.О. Пастака, находился в лесу, по соседству с землей г. Черкеса (рис. 8). Раскопан траншеей, проведенной с южной стороны. Его высота была 4,2 м, диаметр 32 м. В нем находилось одно основное, ямное безынвентарное погребение, совершенное в овальной яме, вырытой в материке, с окрашенным охрой костяком. Второе, впускное, коллективное, представляющее собой квадратную (со стороной 2,6 м) гробницу над материком, обложенную огромными каменными,

плохо обработанными плитами. Найдены были более 100 черепов и следующие предметы: точильный камень, фрагменты амфор и другой керамики, 2 бронзовых круглых зеркала, различные бусы, серьги из тонкой бронзовой проволоки с нанизанными на них бусами, бронзовый браслет, 2 бронзовых наконечника стрел, серебряная серьга и глиняная патера. Кроме этих захоронений в этом, самом большом из исследованных в 1895 г. кургане на землях И.О. Пастака, было раскопано еще три впускных ограбленных захоронений, о которых трудно судить в силу их значительных разрушений.

Во втором кургане (П 1895/2), 1,4 м высотой, раскопанном траншеей с западной стороны, вероятно, находилось захоронение скифского (?) воина, хотя данных для его датировки недостаточно [РА ИИМК, ф. 1, 1895 г., д. 93, л. 35 об.; ИТУАК, 24, с. 141; ОАК, 1895, с. 11].

В третьем кургане (П 1895/3), высотой 1 м, покрытом камнями, раскрыты три грунтовых могилы. Основная могила (1,9 м х 0,7 м, глубина 0,5 м) была ориентирована с запада на восток, костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад. Перпендикулярно этой гробнице была другая, в которой скелет лежал головой на юг. Третья могила была детская – в восточной части кургана. В ней находился горшочек черной глины. В насыпи найдены бронзовый наконечник стрелы, бронзовая шишечка, бронзовая бляшка, обломок кремневой «пилы» и маленькая сердоликовая бусина.

Четвертый курган (П 1895/4) высотой 1 м содержал детское погребение в каменной гробнице, аккуратно сложенной из четырех и накрытой пятой плитой. В головах, с восточной стороны, стояли три горшочка из черной глины. Кроме этого в могиле были только куски красной охры. В середине кургана была открыта вторая, грунтовая могила, содержащая скелет в вытянутом положении головой на запад, заваленный деревом и камнями. При нем найдены железные вещи: 4 наконечника копий, 3 стержня, шашка с тремя кольцами от ножен и пряжка. В насыпи кургана найдены горшок из черной глины, кремни, куски железа, обломки стеклянной посуды и белый алебастровый кружок (РА ф. 1, д. 93, 1895, л. 36 об.; ОАК, 1895, с. 11).

Далее раскопки были перенесены на запад, в степь, где три кургана образуют группу (ИТУАК, 24 1896, с. 142) (рис. 8). Курган (П 1895/5), самый большой в этой группе, высотой в 2,2 м был покрыт камнями, он раскопан траншеей, проведенной с южной стороны, и содержал, вероятно, средневековое погребение человека с лошадьё, расположенное террасами. Скелет лошади был неполный, только голова и ноги. Найдены железные стремена и удила. Человеческий скелет лежал уступом ниже, при нем находились железная шашка, 4 железных наконечника копий, железная пряжка, костяная пластинка с отверстиями, железный нож у пояса. Во впускной гробнице в южной части кургана находился костяк головой на запад, обставленный стоячими камнями, с бронзовыми наконечниками стрел у левой руки и железным ножом у правой. Основное погребение этого кургана совершено в небольшой материковой гробнице с золистым заполнением, оно относится к ямному времени.

Шестой курган (П 1895/6) высотой 1,7 м, раскопанный траншеей с юга, также дал впускное погребение с лошадьё, весьма похожее на только что описанное. Основное погребение, возможно, было предназначено для урны и не содержало костяка [РА ИИМК, ф. 1. 1895, д. 93, с. 38; ОАК 1895, с. 13].

В седьмом кургане (П 1895/7) ок. 2 м высотой, раскопанном «на выкид», снова оказалось впускное погребение с лошадьё. Основное погребение этого кургана, очевидно, можно отнести к скифскому времени. Оно находилось в центре кургана и было крыто деревом. При человеческих костях скелета были найдены бронзовые наконечники стрел, разные бусы, 3 бронзовых проволочных браслета и железный меч. Для точной датировки описания находок недостаточно [РА ИИМК, ф. 1. 1895, д. 93, с. 38; ОАК 1895, с. 13].

Восьмой курган (П 1895/8), высотой примерно 1,5 м, дал только одно основное погребение, относящееся к ямной культуре. Он раскопан в центре «на выкид».

Итак, всего на земле И.О. Пастака было раскопано в 1892 и 1895 гг. 15 курганов, из которых, вероятно, только пять были насыпаны в скифское время, остальные в эпоху бронзы. Два кургана, П 1892/3 и П 1895/1, содержали впускные коллективные захоронения, так же, как и один (или два ?) «Талаевских» кургана, Т 1890/2 (и Т 1892/3).

Курганы на землях С.И. Черкеса

В 1895 г. раскопки проф. Н.И. Веселовского проводились «на возвышенности, идущей с правой стороны полотна железной дороги от Симферополя к Севастополю, приблизительно против второй железнодорожной будки, в лесу, над кирпичным заводом г. Черкеса» [Кашпар, 1896, с. 138]. В архивном деле можно найти еще указание на то, что работы начались «над обрывом, у поворота железной дороги, против второй железнодорожной будки» [РА ИИМК, ф. 1., 1895, д. 93, л. 34]. Вероятное положение этих курганов показаны на рис. 8.

Первый курган (Ч 1895/1) был высотой 4,2 м, диаметром 30 м. Раскопан глухой траншеей с юга. В 13 м от края полы кургана в его центре оказалась гробница, покрытая хорошо обработанной каменной плитой (1,8 м. х 1 м). Края этой плиты выходили за стенки гробницы, впущенной в материк, образованной четырьмя плитами. Ориентировка гробницы с северо-запада на юго-восток. Стенки гробницы были изнутри оштукатурены тонким слоем, покрыты черной краской и расписаны крестом, состоящей из белых и красных линий (рис. 30). Земля не проникла в каменный ящик, так как щель между покровной плитой и стенами была замазана белой местной глиной. У южной стенки находились два скелета в сидячем положении, ногами на запад. Сопровождающий инвентарь представлен глиняным горшочком, каменным курантом для растирания красок, каменным полированным топором, кусками кремня [РА ИИМК ф. 1., 1895, д. 93, л. 34-34об.; ОАК, 1895, с. 8-9].

Второй курган (Ч 1895/2) был ниже, 1,8 м высотой. По свидетельству Н.И. Веселовского, он расположен над оврагом между первой и второй железнодорожными будками [РА ИИМК ф. 1., 1895, д. 93, л. 34 об.]. С южной стороны в кургане заметна была грабительская яма, здесь же были разбросаны плиты из гробницы. Раскоп был начат с западной стороны. На расстоянии 8,5 м от края и в 1 м сверху оказалась потревоженная

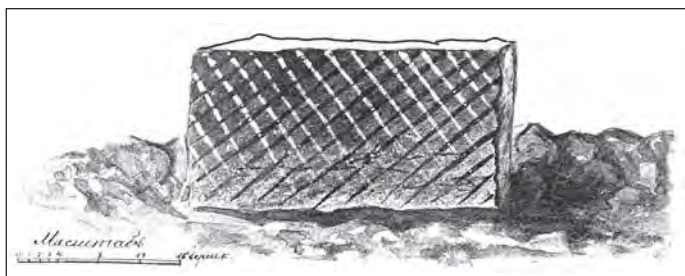

Рис. 30. Курган № 1 в имени С.И. Черкеса 1895 г. Стенка гробницы, оштукатуренная тонким слоем, покрытая черной краской и расписанная крестом, состоящей из белых и красных линий. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского [РА ИИМК ф. 1., 1895, д. 93, л. 34 об.].

квадратная гробница (со стороной 3,65 м), сложенная из плохо обработанных плит известняка, скрепленных глиняным раствором. Верхние камни были уже сняты, таким образом, высота гробницы равнялась 0,85 м. Эта гробница была наполнена грудой человеческих костей. Собрано было 173 черепа разных размеров, начиная с детских. В завале костей найдены бусины разных размеров и из различных материалов

(медные, бронзовые, глиняные, стеклянные, мозаичные, янтарные, лигнитовые и др.), круглые костяшки, две глиняные чашечки и глиняный бальзамарий, два доньшка от чернолаковых сосудов, горлышко из черной глины, кувшин без ручек с толстыми стенками с дырочками в горлышке для шнурка, наполненный точильными камнями и большими глиняными бусами. Найдено много обломков амфор, чашек, горшков красной и черной глины, с узорами и поливой. Много было найдено бронзовых вещей: булавка, 9 браслетов, 13 наконечников стрел, перстень, обломок перстня, колечки, одно со стеклянной привеской, подвески, поломанное зеркало, бусы-ворворки. Найдены также были 9 серебряных колечек, два железных и одно проволочное золотое. Некоторые из керамических сосудов опубликованы Т.Н. Троицкой [1957, с. 180-183]. Чернолаковая чашка датируется ею серединой III в. до н.э., флакон – III в. до н.э., крупный одноручный сероглиняный кувшин близок таковым из Прикубанья, датируемых IV-III вв. до н.э., курильница может быть отнесена ко II-I вв. до н.э. [Троицкая, 1957, с. 181-182]. Возможно, что первоначальное погребение IV в. до н.э. было затем потревожено при подхоронениях, которые происходили в III-II вв. до н.э. [Колтухов, 2001, с. 63].

После зачистки этой гробницы, под ней оказалась плита ромбовидной формы длиной 0,9 м и шириной 0,7 м. Под ней была пустая круглая яма, 0,45 м в диаметре. Н.И. Веселовский предположил, что здесь была урна, взятая грабителями через южный подкоп.

Коллективное захоронение в кургане Ч 1895/2 вполне аналогично захоронению в соседнем кургане П 1895/1, расположенном на землях И.О. Пастака.

Таким образом, из двух раскопанных курганов в имении С.И. Черкеса один был насыпан в бронзовом веке, другой – в IV в. до н.э. Последний содержал также впускное «коллективное захоронение».

Курганы на землях С.А. Крыма

На той же возвышенности, что и предыдущие курганы, были раскопаны еще три, находящиеся во владениях С.А. Крыма (см. схему на рис. 27, а также рис. 8). Описание этих погребений можно найти в [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д. 93, л. 38 об.-39 об.; ОАК 1895, с. 13-14; ИТУАК 24, с. 144-145].

На первом кургане (К 1895/1), самом большом, находился триангуляционный знак, что служит для нас верной приметой и ориентиром при локализации этих курганов.

Его высота 4,5 м, длина окружности 126 м, раскопан траншеей с юга. Курган облицован толстым слоем камня. Его основное погребение было ямного времени. В южную полу было впущено другое погребение, находящееся на высоте 1 м от материка, длиной 2,1 м шириной 1,6 м, глуб. 1,24 м. Могила была ограблена. Внутри могилы находились человеческие кости, кости лошади, железные удила с прямой дужкой (средневековое погребение?). В насыпи были найдены многочисленные вещи (золотая проволочная серьга, бусы, бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовая обивка колчана, железные чешуйки от панциря, горшок из черной глины, две бронзовых ворворки, бронзовая поясная пряжка в виде львиной головы, круглая бронзовая бляха), судя по которым, можно предположить, что это в кургане было также разграбленное погребение скифского времени.

Второй курган (К 1895/2) был также ямного времени. В него была впущена каменная гробница, сверху заваленная камнем, размером 5,6 м x 3,7 м. Восточная стена ее было пробита, и через это отверстие грабители добрались до погребения. В насыпи были найдены разные бусы, в том числе стеклянные в виде пирамидок, бронзовый браслет,

бронзовые наконечники стрел, бронзовое спиральное кольцо, каменное точило с отверстием, каменное ядро, пара железных стремян, железные удила, части железного копья и обломки железного предмета в виде чашки. Данное погребение было совершено в эллинистическое время [Дашевская, 1991, с. 53].

Третий курган ((К 1895/3) также был насыпан в ямное время. Впускная гробница была устроена в материке подбоем длиной 2,1 м, шириной 3,2 м м. глубиной 2,1 м и содержала 5 скелетов, из которых два были детскими. У крайнего с южной стороны скелета были найдены несколько мелких бус, кусочек красных румян, железная пряжка, 2 бусы, обломок бронзового кольца и бронзовая поясная пряжка.

Таким образом, все три раскопанных кургана были насыпаны в ямное время, в двух из них были впускные скифские погребения.

Курганы на землях Э. Б. Бобовича

Всего в 1895 г. на землях Э.Б. Бобовича на 16-й версте (примерно 17 км) от Симферополя было раскопано 4 кургана; еще один, принадлежащий татарскому обществу д. Такиль, находящийся на самой границе земель Э.Б. Бобовича, также был раскопан в 1895 г.

Первый курган находился «почти на прямой линии между экономией Бобовича и д. Сарабузы» (совр. Соловьевка). Его локализации помог архивный чертеж, сделанный от руки, на котором пунктирной линией показана дорога от моста через Салгир в имении Талаевой по направлению к Евпатории, до родника. Затем указана дорога, сворачивающая у родника и экономии Бобовича на восток, к первому из раскопанных курганов (рис. 26) [РА ИИМК, ф.1, 1895, д. 93, л. 43]. На рисунке, несколько измененном для публикации в ИТУАК, эта пунктирная линия-дорога отсутствует (см. рис. 12 [ИТУАК 24, 1896, с. 144]), однако именно она помогла локализовать курганы на землях Бобовича (рис. 8). Кроме этого, в РГАДА изучались межевые планы имений Бобовичей [ф. 1354, оп. 479, дд. Ф126, Т47, Т55, Т32], что позволило локализовать раскопанные в 1895 г. курганы так, как это показано на рис. 8.

Высота первого кургана была 6,3 м, длина окружности – около 150 м. Как выяснилось в ходе раскопок, к первоначальному кургану были сделаны две присыпки, так что он состоял как бы из трех, соединенных вместе земляной насыпью. Первоначальный курган был обнесен каменными плитами. Во впускной могиле, находящейся с северо-западной стороны кургана, на глубине 2,1 м было обнаружено захоронение всадника с лошастью. Инвентарь этого разрушенного захоронения состоял из разбитого «черного горшка с узорами», железных удил, пряжки и наконечника копья.

Еще одно впускное захоронение обнаружено ближе к северной кромке кургана, оно представляло собой выдолбленное из большого ствола корыто. Здесь был найден кремневый скребок.

Основное безынвентарное захоронение этого кургана, относящееся к ямному времени, находилось в овальной могильной яме (2,1 м х 1,3 м, глубиной 0,7 м), впускной в материк. Скелет с окрашенными охрой костями лежал головой на восток с поджатыми ногами.

В восточной части насыпи на глубине 1,8 м от поверхности кургана было раскопано еще одно впускное захоронение без камней, перекрытое деревом. Скелет лежал головой на запад в вытянутом положении. У головы с правой стороны находился прекрасно обработанный нефритовый молоток длиной 14 см. У ног найден точильный брусок без дырочки.

Под этой могилой находилась еще одна, обложенная деревянными четырехугольными бревнами и перекрытая брусьями. На брусья были навалены камни в виде купола,

который был возведен на четырехугольном основании из больших известняковых камней. В ней находились два окрашенных охрой скелета, головами обращенные на юго-запад. Скелеты лежали на материке и были засыпаны мелкой речной галькой. В гальке найден кремневый нож на 3 ската. У западной стенки против тазовых костей было найдено плоское бронзовое копье 7 см длиной. В том же кургане, в западной части в материке оказалась могила овальной формы (2,1 м х 1,9 м), глубиной 0,7 м. Окрашенный охрой скелет длиной 1,8 м лежал головой на север [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 40 об.-41; ИТУАК, 24, 1896, с. 147; ОАК, 1895, с. 16].

В двух верстах (2,1 км) от этого кургана по пути к Евпатории в этом же имении находились еще четыре кургана, расположенные близко друг к другу и почти по прямой линии (рис. 8).

Вначале был раскопан один из них, принадлежащий татарской общине д. Такиль. Его окружность доходила до 105 м, диаметр – 26 м. В северо-западной его части на глубине 0,7 м от поверхности находилась впускная могила, состоящая из больших плит длиной 2 м, шириной 0,7 м, толщиной 0,35 м. Сверху она была завалена камнями и оказалась уже разграбленной, в ней обнаружены только осколки горшка черной глины

Возле этой могилы, далее к северу, была другая впускная могила, также полностью ограбленная. Под этими двумя впускными могилами находились две могилы, соединенные между собой, впущенные в материк. Одна из них, длиной 2,1 м, ориентирована с запада на восток, другая, находившаяся на 0,5 м ниже – с юга на север. В первой из них найден скелет в вытянутом положении, головой на запад. У головы стоял горшок с орнаментом вокруг венчика, рядом находилось много угля. Слева от костяка лежали меч 0,35 м длиной, 8 медных наконечников стрел, две сердоликовые бусины, одна из мела и еще одна из желтой массы, нож, морская камка, бычья лопаточная и бедренная кости, кости птицы. Можно предположить, основываясь на ориентировке костяка и перечне найденных предметов, что это захоронение скифского воина, хотя приведенных данных недостаточно для точной датировки. Во второй могильной яме 1,4 м х 0,85 м находился костяк головой на восток, без сопутствующих вещей.

На восточной стороне кургана раскопана еще одна могила, впущенная в материк, 2,1 м х 1,4 м, глубиной 1,4 м, по-видимому, основное погребение кургана. Окрашенный костяк лежал головой на восток, с поджатыми ногами, без инвентаря [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 43-43 об.; ИТУАК, 24, 1896, с. 148; ОАК, 1895, с. 16].

Можно высказать осторожное предположение, что первая раскопанная каменная плитовая гробница, заваленная камнями, в этом кургане могла являться коллективным захоронением, по крайней мере, ее расположение над могилой, возможно, скифского воина, не противоречит этой гипотезе. Однако, полное отсутствие в отчете упоминания о костных остатках говорит, скорее, против данного предположения.

Курган № 2, находящийся поблизости от описанного выше, самый большой на землях Бобовича, длиной окружности в 165 м, диаметром 50 м, несколько разочаровал раскопщиков. Сверху, с южной стороны находилась разграбленная впускная могила, судя по найденным в насыпи вещам (части амфоры, железное копье 23 см длиной, часть оселка, медные наконечники стрел, кинжал с костяной ручкой с медными заклепками, обломок каменного топора), античного времени. Раскопки на этом были прекращены «в виду показавшихся признаков могилы с красными костями» [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 41-41 об.; ИТУАК, 24, 1896, с. 148-149; ОАК, 1895, с. 16].

Курган № 3, высотой 2 м, окружностью в 70 м, располагался на расстоянии около 200 м к западу от второго кургана, раскопан «на выкид». Впускная плитовая могила находилась

на глубине 0,7 м от поверхности, ближе к северной его стороне. Размеры плит 3 м х 0,7-1 м, толщина 27 см. В насыпи найдены фрагменты «красной посуды» и железной спицы, оселок и бронзовая фигурная палочка. Под этой могилой располагалась другая, основная, могила с окрашенным скелетом, головой на запад, у ног найдено более 100 наконечников медных стрел [РА ИИМК, ф. 1, 1895, д.93, лл. 41-41 об.; ИТУАК, 24, 1896, с. 148-149; ОАК, 1895, с. 16].

Курган № 4 был раскопан широкой траншеей с юга. Основное материковое погребение эпохи бронзы 2,1 м х 1,5 м, глубиной 0,6 м, содержало окрашенный охрой костяк без инвентаря. В западной части кургана, на глубине 0,7 м находилась разграбленная впускная гробница. В ней остались только черный разбитый горшок, медная стрела и железное шило (скифское погребение ?).

Таким образом, все рассмотренные пять курганов были сооружены, вероятно, в эпоху бронзы. По крайней мере, четыре кургана содержали впускные могилы скифского времени.

Курганы на землях А. А. Нестроева

В 1890 г. Н.И. Веселовский провел раскопки курганов в имении А.А. Нестроева (Сарчи-Кият) по правую сторону от р. Салгир верстах в 5 (примерно 5,2 км от Симферополя по дороге в Сарабуз).

Прежде всего, им был раскопан знаменитый «Золотой» курган, который, несмотря на довольно скромные размеры (3,2 м высотой и 96 м окружностью), выделялся среди остальных своим положением на отдельной возвышенности, от которой открывался обширный вид на долину Салгира. Это самый южный курган из других, находившихся во владении А.А. Нестроева Сарчи-Кият. Расстояние от него до почтовой дороги, идущей в Евпаторию – 1 верста (1,07 км).

Локализовать этот курган помогла карта 1837 г. с рекогносцировкой 1865 г., на которой нанесены господские дома, хутора и сады с указанием имен владельцев (рис. 9). В описании кургана в отчете Н.И. Веселовского значится, что «Золотой» курган был самым южным в имении А.А. Нестроева. Для того, чтобы прояснить, где проходила южная граница его владений, потребовалось рассмотреть межевой план имения Сарчи-Кият (рис. 31), хранящийся в РГАДА в г. Москве [РГАДА, ф. 1354, оп. 479, д. С52]. На 22 октября 1852 г., когда был составлен межевой план, имение числилось за г-жой Добролюбской. Однако на рекогносцированной карте 1865 г. ее имя зачеркнуто и написано имя Нестроева (рис. 10). Благодаря сопоставлению этой карты и межевого плана, удалось с большой вероятностью локализовать знаменитый «Золотой» курган и два других, раскопанных в его имении (см. рис. 8).

Я не могу полностью согласиться с локализацией кургана, приведенного в работе С.Г. Колтухова [Колтухов, 1999, с.8]. На мой взгляд, курган должен находиться несколько южнее. Там, где он показан на карте в статье С.Г. Колтухова, в конце XIX в. находились земли М.Д. Талаевой.

Золотой курган как выдающийся памятник, относящийся к степной скифской знати раннего периода, не раз привлекал внимание исследователей [Ростовцев, 1925, с. 397, 400, 410, 412; Троицкая, 1951, с. 90; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 103, 109]. Наиболее полно и детально раскопки этого кургана были рассмотрены относительно недавно С.Г. Колтуховым [Колтухов, 1999].

«Золотой» курган раскопан был глухой траншеей, проведенной с юго-восточной стороны, а также тремя небольшими минами (рис. 32). Два других кургана, раскопанные в имении А.А. Нестроева, располагались по направлению на север (или северо-

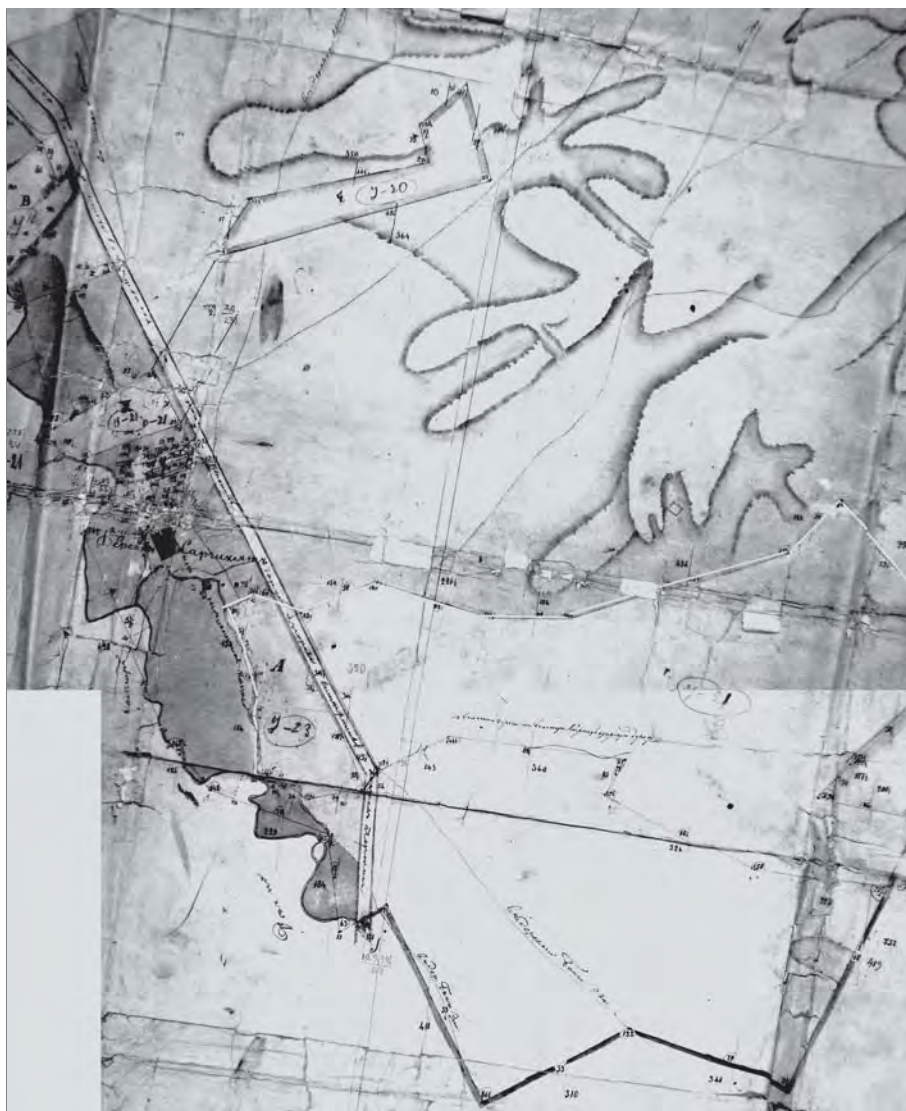

Рис. 31. Фрагмент межевого плана имения Сарчи-Кият, хранящийся в РГАДА в г. Москве от 22 октября 1852 г. [РГАДА, ф. 1354, оп. 479, д. С52]. Красной линией выделена южная граница имения.

запад), через балку, на расстоянии 1 км один от другого (рис. 8). Они также раскопаны траншеями, идущими с юга, для доследования насыпей делались мины.

Первый нестроевский курган («Золотой») оправдал свое название. Здесь были раскопаны четыре могилы: одна впускная, немного впущенная в материк, две углубленные в материк и еще одна на уровне материка. Описание раскопок дано в [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл.24-26, ОАК, 1890, с. 4-7, ИТУАК, 11, 1890, с. 146-150].

Впускная могила, находящаяся в 2 м от центра кургана (рис. 32, 1), представляла собой яму с покатым ложем (превышение головы над ногами – 0,7 м). Скелет мужчины в вытянутом положении, головой на запад, лежал на железном щите или панцире, ноги на досках. На шее было массивное золотое гладкое ожерелье в виде обруча толщиной 0,5 см, диам. 17,5 см, не спаянное. На груди лежала лопаточная кость лошади. В области таза находились золотые пуговицы: одна с зернью 2,5 см диам., 2 гладких 1,5 см. диам. и 22 маленьких в 2 мм. Тут же были 39 медных орнаментированных пуговиц разной величины и две медные застежки, каждая состоящая из двух частей: одна в виде орла и вторая

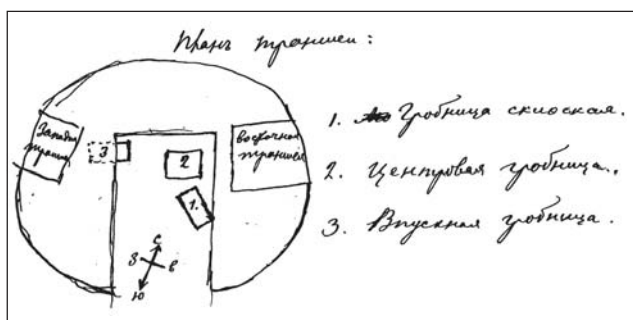

Рис. 32. Схема раскопа «Золотого» кургана в имении А.А. Нестроева Сарчи-Кият. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского за 1890 г. [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, л.26].

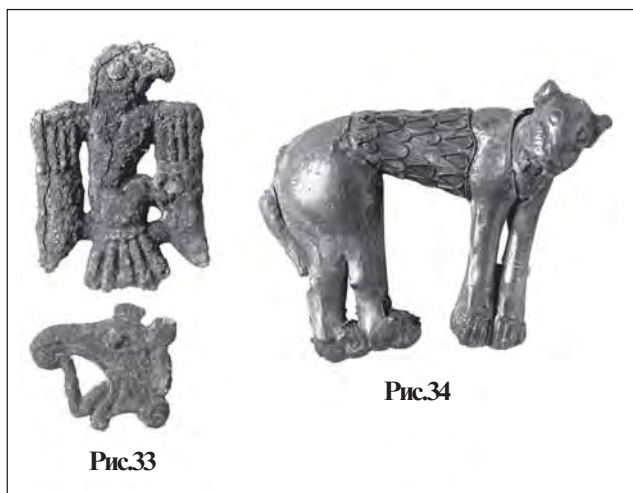

Рис. 33. Две медные застежки, каждая состоящая из двух частей: одна в виде орла и вторая – орнаментально вырезанная в виде головы фантастического животного. Из «Золотого кургана». ФА ИИМК РАН, негатив № II-13154.

Рис. 34. Навершие колчана в виде львицы, сделанной из бронзы, покрытой золотым листом. Их раскопок «Золотого» кургана в имении А.А. Нестроева Сарчи-Кият. ФА ИИМК РАН, негатив № IV-213.

– орнаментально вырезанная в виде головы фантастического животного (рис. 33) [ОАК, 1890, с. 5].

Между бедряными костями лежал короткий меч в ножнах, обтянутых кожей с золотым наконечником прекрасной работы с эмалевыми вставками, совершенно разрушившимися, с тонким кантиком по краю. Рукоятка меча состояла из толстых железных колец. У меча же оказались бронзовые трубочки, возможно, от кистей.

У левого колена находился колчан с навершием в виде львицы, сделанной из бронзы, покрытой золотым листом. Посредине туловища был такой же эмалевый орнамент, что и у ножен меча (рис. 34). Колчан был сделан из дерева и обтянут кожей, украшен серебряной бляхой. В нем находилось 180 бронзовых наконечников стрел и, вероятно, лук. Здесь же были 5 медных трубочек по 3 см длиной, в форме усеченных пирамидок и конусов. В ногах, на которых были кожаные сапоги, стоял красноглиняный кувшин с шарообразным толовом и одной ручкой.

По мнению А.Х. Стевена, покойник лежал на овальном щите размерами: 1,25 м x 0,7 м, который состоял из массивных железных пластинок, набитых на дерево. Здесь же были найдены остатки кожи и истлевшей одежды. Однако Н.И. Веселовский полагал, что

под костяком находился не щит, а панцирь. К этому же мнению склоняется и С.Г. Колтухов [Колтухов, 1999, с. 11]. В ногах стоял целый кувшин красной глины.

В целом, данное погребение интерпретируют как захоронение предводителя военного формирования Степной Скифии рубежа VI-V вв. до.э. [Колтухов, 1999, с. 17].

Как пишет Н.И. Веселовский, курган когда-то пробовали разрывать сверху, и грабительская яма прошла чуть более, чем в полуметре от этого захоронения, не задев его.

В насыпи встречались многочисленные камни, но, по мнению Н.И. Веселовского, они относились к другим, более древним гробницам, находящимся ниже.

На север от описанной выше гробницы находилось вырытое в материке основное захоронение (рис. 32, 2), перекрытое деревом, впоследствии обрушившимся, в котором находился окрашенный охрой костяк в скорченном положении. У кисти правой руки находился большой оселок. Размеры этой гробницы длина внизу 2,1 м, ширина сверху 1,65 м, внизу 1,35 м.

С левой стороны траншеи оказалась впускная могила, вырытая в насыпи, только доходившая до материка (рис. 32, 3) такого же характера, что и предыдущая. Окрашенный охрой скелет лежал на досках, был обращен головой на восток, согнутыми ногами на запад. У руки находился большой точильный брусок. Вероятно, к этой могиле относились дикие камни, встретившиеся в насыпи.

Для более полного исследования этого кургана были прорыты еще две траншеи, с востока и с запада (рис. 32). В восточной не оказалось гробницы, а в западной, исследованной преподавателем мужской гимназии А.О. Кашпаром в присутствии профессора Бреславльского университета Гремилера, открыта была детская гробница, имевшая форму круглого колодца, вырытого в материке, 1 м диаметром, глубиной 1,2 м. Скелет находился в скорченном положении.

В 1973 г. Северо-Крымская экспедиция (исследователь В.А. Колотухин, руководитель экспедиции А.А. Щепинский) завершила раскопки «Золотого кургана», разобрав остатки насыпи на снос. Были обнаружены погребения эпохи бронзы, находок скифского времени больше не было [Колтухов, 1999, с. 9].

Второй из исследованных в землях А.А. Нестроева курган находился на севере от предыдущего через балку, был высотой 2,1 м (рис. 8). Ширина раскопной траншеи, проведенной с юга, составила 4,2 м шириной и 12,6 м вглубь кургана. В насыпи встречено много диких камней и громадных известняковых плит, частью уже разбитых и лежащих в беспорядке, что свидетельствовало о неоднократных разграблениях кургана. В насыпи встречено 3 бронзовых наконечника стрел, а ближе к центру кургана слой человеческих костей, находившихся в беспорядке, и черепа. Под ними недалеко от поверхности оказалась неглубокая впускная могила прямо на материке, вероятно, средневекового времени. При скелете найдены железные предметы: длинный меч-сабля, ручка которого находилась у правого плеча покойного, при сабле были две круглые железные пряжки, у верхней пряжки находилась орнаментированный костяной предмет. В головах и ногах находились наконечники копий со втулками и остатками древков, а также наконечники пяти меньших копий. Сохранились волосы покойного – рыжего цвета. На север от него была положена лошадь, обращенная к покойному спинным хребтом. При ней оказались железные стремяна, удила и бронзовый бубенчик. В насыпи был найден точильный брусок, который, по мнению Н.И. Веселовского, мог относиться и к другому погребению, так как насыпь была перемешана в результате грабительских ям.

В материке оказалось две гробницы. Первая, на расстоянии 4,2 м от начала траншеи, представляла собой квадратную яму со стороной 2,3 м, глубиной 1,5 м. Она

была устроена в уже готовом кургане, что было отмечено В.И. Веселовским, по отвалу белого материкового грунта, лежащего на насыпи толщиной до 0,35 м. В могиле находились 6 окрашенных костяков, составлявших две группы по 3 костяка, в сильно скорченном положении, головами на восток. В головах у третьего скелета северной группы и у первого скелета южной группы оказалось по бронзовому наконечнику копий. Найден также кусок кремня [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл. 26 об., ОАК, 1890, с. 7-8, ИТУАК, 11, 1890, с. 150].

Вторая могила в виде ямы с оштукатуренными стенами, размерами 1,8 м x 1,2, глубиной 1,25 м, находящаяся в 4,2 м к северу от предыдущей, имела первоначально бревенчатое перекрытие. Она содержала окрашенный костяк в скорченном положении, головой на восток. У головы находилось бронзовое копьё.

В восточной поле кургана находилась, по-видимому, еще одна гробница, составленная из громадных плит из местного известняка, которые лежали здесь в беспорядке. Проведенные раскопки показали, что гробница полностью разграблена и разрушена.

Таким образом, в этом кургане, сооруженном еще в эпоху бронзы, были впускные погребения, и одно из них, по мнению С.Г. Колтухова [Колтухов, 2001, с. 62], с которым следует согласиться, могло быть «коллективной» плитовой гробницей. Здесь найдены огромные каменные необработанные плиты, масса костей, бронзовые наконечники стрел.

Третий курган, в 2,1 км к северо-западу от предыдущего, высотой 3,5 м, был раскопан глухой траншеей с юга. На расстоянии 8,5 м от края насыпи показалась впущенная на глубину 1,5 м детская могила, при которой были найдены бронзовые проволочная серьга, небольшой четырехгранный стержень, круглый лепной круглодонный горшочек черной глины и 19 астрагалов. Костяк лежал с подогнутыми ногами.

Под этой могилой в материке находилась другая, тоже детская, костяк с подогнутыми ногами. Могила длиной 1 м, шириной 0,7 м обложена камнями и перекрыта деревянными балками.

К западу от предыдущей могилы находилась третья, тоже детская. Скелет лежал на каменной плите, в головах находились куски красной краски и комочек белой. Здесь же был раздавленный горшок черной глины.

В кургане находились еще другие погребения. Следы полностью разрушенной впускной гробницы стали попадаться при приближении к центру кургана в виде огромных вывороченных плит, и между ними остатки каменной скульптуры (рис. 35), слоя человеческих костей. Возможно, это остатки «коллективного» погребения.

В насыпи была обнаружена громадная плита, под которой находился скелет, лежащий на утрамбованной лежанке, головой на запад, на спине, в вытянутом положении, сверху перекрыт деревом. Слева находился железный наконечник копья со втулкой.

Основное погребение было обнаружено в левой части траншеи с помощью мины. Когда стали пробивать мину, с правой стороны ее оказался череп, причем рабочий зацепил маленькую золотую спираль, собранную из золотых и медных пластинок (медь совсем рассыпалась). Могила представляла собой овальную яму длиной 1,8 м, глубиной 1,35 м. На дне ямы было прямоугольное углубление 1,3 м x 0,6, глубиной 12 см, в которой лежал скелет с загнутыми назад ногами, головой обращенный на восток. [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл. 27 об- 28, ОАК, 1890, с. 10-11, ИТУАК, 11, 1890, с. 151].

Можно заключить, что данный курган был насыпан в эпоху бронзы, в нем имелись впускные захоронения скифской эпохи и, возможно, «коллективное» захоронение позднескифского времени.

Курган на землях С. И. Генкеля

В соседнем с талаевским имении С.И. Генкеля (см. рис. 9) в 1890 г. был частично раскопан громадный курган более, чем 10-метровой высоты, находящийся в долине (рис. 8). Он был самым крупным в окрестностях. Этот курган отмечен был и на карте 1955 г. как очень высокий, имеющий высоту 7 м. Курган был исследован Н.И. Веселовским траншеей с юга. В нем были найдены две впускные могилы. Первая представляла собой крытую деревом яму (1,5 м x 0,7 м, глубиной 0,7 м) с окрашенным охрой скелетом, лежащим на боку, с согнутыми в коленях ногами. У пояса найдены бронзовая пряжка, три зуба с дырочками, костяная палочка с двумя шариками на одном конце, каменный скребок.

Вторая впускная могила находилась от первой на 4,2 м к востоку. Она была детской, имела овальную форму (1,9 м x 1,8 м, глубиной 0,2 м), далее продолжалась прямоугольным ящиком длиной 1,2 м x 0,7 м. Дно могилы было покрыто тонким слоем краски, которая встречалась вместе с белой краской и в кусках. Окрашенный охрой скелет лежал головой на восток с согнутыми ногами. Под головой был найден фрагмент гвоздеобразного бронзового предмета длиной 4-6 см, скорее всего, головной булавки. В насыпи кургана найдены обломки сосуда из черной глины с орнаментом, сделанным ногтем. Раскопки здесь были в 1890 г. на этом закончены, но полное исследование кургана осталось, конечно, не завершено, так как по замечанию А. Стевена, «громадная величина этого кургана, раскопанного еще в незначительной части, дает основание надеяться, что в нем может быть найдено большое число могил» [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл. 36-36 об., ОАК, 1890, с. 10-11, ИТУАК, 11, 1890, с. 152-3].

Раскопки этого кургана были продолжены в следующем, 1891 г. При продолжении южного раскопа здесь была вскрыта впущенная на 3,2 м вглубь насыпи гробница в виде прямоугольного ящика из четырех расписанных черной и красной красками притесанных плит (рис. 35), покрытых сверху громадной пятой необработанной и неокрашенной плитой. Боковые плиты сделаны из мягкого белого известняка. Размеры гробницы внутри: 1,5 м x 0,9 м, глубина 0,75 м. Ориентировка гробницы с севера на юг. Внутри было безынвентарное погребение, костяк находился в сидячем или скорченном положении.

Перед этой гробницей оказалось другая, впущенная до материка, перекрытая сверху толстыми бревнами, в которой находились три окрашенных охрой скелета в скорченном положении: два скелета сверху, один внизу, под ними.

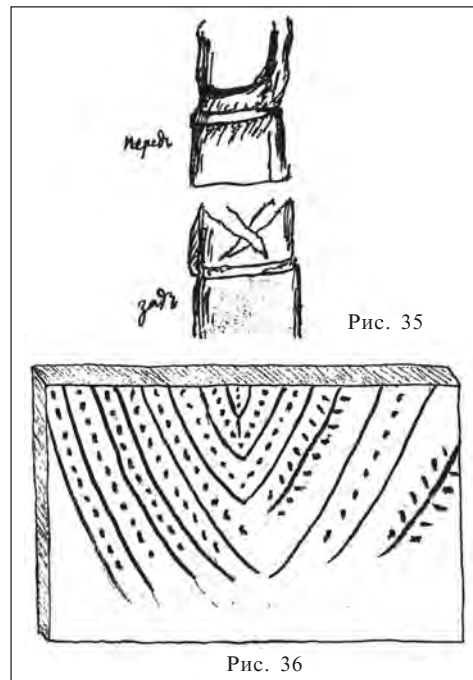

Рис. 35. Обломки «каменной бабы», обнаруженной в кургане № 3 в имении А.А. Нестроева. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского за 1890 г. [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, л. 27 об.].

Рис. 36. Плита из каменного ящика, расписанная черной и красной красками из кургана № 1 1890-1891 г. в имении С.И. Генкеля. Рисунок из отчета Н.И. Веселовского за 1890 г. [РА ИИМК, ф. 1, 1891, д. 22, л. 22].

Смекалова Т. Н. Курганы в ландшафте Северного ...

Дальнейшие работы на этом были прекращены [РА ИИМК, ф.1, оп.1, 1891, д.22, лл. 22-22 об.].

Таким образом, этот курган, насыпанный в эпоху бронзы, содержал несколько впускных погребений той же эпохи. Он остался недоисследованным.

В 1967 г. Т.Н. Высотская раскопала курган неподалеку от городища Кермен-Кыр [1968, с. 116-117]. Курган, возведенный еще в эпоху бронзы, содержал пять впускных грунтовых склепов со ступенчатыми входными ямами, забитыми камнями и плитами. Склепы имели овальную или почти круглую форму и содержали от 4 до 8 погребенных. Суммарная дата погребений II-I вв. до н.э.

II. Курганы к северо-востоку от Симферополя

В 1924-25 гг. Н.Л. Эрнст проводил разведки и раскопки курганов неподалеку от Симферополя на гряде, тянущейся над шоссе, ведущим в Белогорск. Им составлена очень точная схема расположения этих курганов [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, 1924, д. 107, л.5], построенная на основе полуверстовой карты конца XIX в., поэтому локализация курганов, о которых идет речь, не составляет труда. В 1924 г. им осмотрено здесь около 30 курганов, из которых большая часть разрыта кладоискателями или добытчиками камня. Только невысокие курганы оказались нетронутыми. Из этой группы Н.Л. Эрнстом намечены к раскопкам следующие: 2-9, 11-13, 18, 19, 26 (см. карту на рис. 8). В 1924 г. были раскопаны три кургана №№ 2, 5 и 6. Все курганы были невелики (до 1 м высотой). Раскопки проводились с помощью учеников Симферопольской опытно-показательной школы. Все курганы раскапывались с помощью траншеи, проходящей поперек их с юга на север.

Курган 2, высотой 1 м, окружностью 47 м. При предварительном прощупывании в юго-восточном секторе кургана найдена лежавшая на глубине 25-30 см, в 6 м от вершины, каменная четырехугольная плита размерами 107x70x15 см (она опубликована в 1958 г. А.А. Формозовым [Формозов, 1958]. На верхней ее поверхности оказались высеченные углубленные изображения: две примитивные фигуры (один с растопыренными пальцами обеих рук, другой идущий), шесть изображений топориков различной формы и несколько фигур непонятного значения. Боковые грани тоже обработаны. На задней стороне плиты имеется изображение топорика и несколько прямых борозд. Такие же борозды есть и на одной из длинных боковых граней. На одной короткой боковой грани имеются два ряда углублений, впрочем, они могут быть и естественными. На одной из боковых граней никаких изображений нет. Вероятно, данная плита первоначально стояла в виде памятника на одной из коротких граней [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, 1924, д. 109, л. 4 об.-5].

Плита в кургане прикрывала яму 70x45 см, глубиной 40 см, на дне которой стояли два небольших горшочка красноватой глины. Больше ничего в данном углублении не было.

В центре кургана на дне погребальной ямы глубиной в 1,52 м под поверхностью кургана и 0,85 м над уровнем дневной поверхности обнаружены два погребения; одно из них, основное, было нарушено другим, впускным. Позднее впускное погребение находилось в обширной яме размерами 2,48 x 1,35 м, ориентировано на северо-восток. Мужчина лет 25-30, слабого сложения, небольшого роста (1,54 м), лежит головой на северо-восток. У левой руки сабля длиной 1,25 м, на животе костяная пряжка, треугольная с дырочками и другая костяная пряжка в виде челнока. Рядом с юго-востока погребен конь. Погребены лишь голова лошади, ноги и хвост. Основного скелета нет. В пасти – железные удила,

на ноге – стремя. Тут же лежат железное колечко и стерженек. Отмечены следы деревянной балки, которая, возможно, поддерживала шатер над покойным. Н.Н. Эрнст относит это погребение к позднекочевническим, после X-XI вв.

Более древняя, основная гробница этого кургана представляет собой безынвентарное погребение. Костяк лежал в вытянутом положении на боку, головой на запад, лицом к югу. Датировать его, по мнению Н.Л. Эрнста, не представляется возможным.

Второй раскопанный курган (№6 на карте на рис. 8) расположен у края обрыва над д. Абдал-Старый. Высота его 0,7 м, окружность 58 м. Он был распахан; содержал только одно погребение, которое было совершено в большой яме размерами 3,1x2 м, ориентированной с юго-запада на северо-восток на глубине 1,65 м от верхней точки кургана и 0,95 м от дневной поверхности. Скелет в вытянутом положении лежал головой на юго-запад. Под колени и под кисть правой руки были подложены большие плоские камни. У правой руки лежал пучок бронзовых трехгранных наконечников стрел с обратными шипами. Здесь же находился низкий чернолаковый килик с загнутыми вверх ручками, возможно, херсонесского происхождения. Лак сосуда не чисто черный, а с зеленовато-бурым оттенком. Сверху весь килик покрыт лаком, только на донышке оставлено несколько концентрических кружков и процарапана буква «дельта». Рядом с киликом стоял большой лепной шарообразный горшок без ручек из черной глины. Направо от головы на плоском камне лежали два больших железных наконечника копий (50 и 35 см длиной) в виде плоского расширенного острия со втулками для древка. У правой ноги лежал тупой трубчатый железный наконечник, по-видимому, для конца одного из древков копий. У ног лежали крупные кости быка или лошади. Покойник был мужчиной лет 30-ти, среднего роста (162 см). Вся могильная яма была заполнена крупными камнями-плитняками местной породы. Вероятно, здесь был погребен скифский воин эллинистической эпохи, скорее всего, IV в. до н.э.

Третий из раскопанных курганов высотой 0,8 м содержал основное погребение в яме, ориентированной с востока на запад, размерами 2,07 x 1,52 м, глубиной в 1,57 м от поверхности кургана и 0,75 м от дневной поверхности. На дне ее, усыпанном мелкой речной галькой, находился скелет, на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Перед грудью лежали два наконечника стрел – бронзовый трехгранный с канальцем и кремневый, треугольный. Тут же находился лепной сосуд из грубой глины, с коническим донышком и одной ручкой. Между сосудом и скелетом лежали несколько костей барана. У южной стенки лежали более крупные кости быка. Покойник был очень высокого роста (1,78-1,8 м). Н.Л. Эрнст относил это погребение к концу бронзового – началу железного века.

Рядом с этой могильной ямой, к югу от нее находилась яма размерами 1,67 x 1,5, глубиной 0,9 м, совершенно пустая.

Точно под вершиной кургана и точно над основным погребением было впускное более позднее захоронение на глубине 0,7 м под поверхностью кургана среди камней, насыпанных над основным погребением. Скелет лежал на камнях, в вытянутом положении на спине, головой точно на восток. У левого локтя стоял простой лепной горшок черной глины. Между левым локтем и ребрами лежал каменный оселок с ушком для подвешивания длиной 18 см. Между ногами – песчаниковая пластинка в форме треугольника со срезанными углами высотой 7 см, толщиной 0,5 см. Внутри черепа обнаружена одна бусина из тонкой желтой египетской пасты, подобно бусам из неаполитского склепа. К востоку от черепа лежали 4 ручных каменных жерновов - курантов диаметром 7-8 см, высотой 3,5-4 см. Скелет принадлежал мужчине лет 40-ка. Н.Л. Эрнст считает его погребением бедного крестьянина позднескифской эпохи, т.е. римского времени. Т.Н. Троицкая опубликовала

Смекалова Т. Н. Курганы в ландшафте Северного ...

некоторые вещи из этого кургана [Троицкая, 1957, с. 175]. Она считает, что это погребение следует отнести к ранне-скифской эпохе.

Все захоронения совершены в простых грунтовых ямах [РА ИИМК, ф.1, оп. 1, 1924, д. 109, л. 4 об.-7].

На следующий, 1925 год раскопки в данном районе продолжались. Курганы дали только окрашенные скорченные костяки, то есть они относились к бронзовой эпохе [ИТОИАЭ, т. IV, с. 80].

Таким образом, в районе Бахчи-Эли курганы, расположенные по краю обрывов плато, были сооружены в эпоху бронзы (примерно $\frac{3}{4}$ из исследованных) и в скифскую эпоху. В одном из курганов погребен скифский воин IV в. до н.э., еще в одном – погребение, относящееся к поздескифской эпохе.

В 1995 г. был частично раскопан курганный могильник у с. Белое, который географически примыкает к курганам у Бахчи-Эли [Колтухов, Тошев, 1998, с. 27- 40]. Все три раскопанных кургана были сооружены еще в эпоху бронзы, и только один курган содержал впускное скифское захоронение [там же, с. 31-33].

III. Курганы в Симферополе

Симферопольский курган у дороги на Курцы

Курган, расположенный почти на обрыве в юго-восточной части возвышенности над Симферополем, на которой в северной части находится Неаполь Скифский, был раскопан в 1890 г. А.Х. Стевенем, А.И. Маркевичем и А.О. Кашпаром. Расстояние от южной границы Неаполя до этого кургана составляет около 3,5 км. Его локализация не составляет труда, так как это единственный курган, отмеченный на карте-полуверстке конца XIX в. Дополнительное указание на то, что курган находится вблизи дороги на д. Курцы только вносит дополнительную уверенность в локализации кургана на местности. На карте масштаба 1:50000 съемки 1955-62 гг. с рекогносцировкой по аэрофотоснимкам 1986 г. на этом кургане помечен триангуляционный знак и стоит отметка абсолютной высоты 464,0 м.

Данный курган неоднократно рассматривался исследователями [ИТУАК 10, 1890, 1890, с. 107-110; Троицкая, 1951, с. 97; Дашевская, 1991, с. 52,53; Колтухов, 2001, с. 62; Пуздровский, 2007, с. 21, 92]. Высота кургана около 2 м. В нем находился каменный склеп, составленный из известняковых плит, сверху перекрытых круглой плитой из «гранита», к которой примыкали еще три плиты из такого же камня в виде сегментов кольца, четвертая плита была отодвинута, что и открыло доступ в гробницу. Любопытно, что особый вид горной породы «гранит», по словам А. Маркевича [ИТУАК 10, 1890, с. 108], который применен для плиты перекрытия кургана, имеется в районе д. Курцы (совр. Украинка), а также несколько к северу от нее, в д. Жиен-Софу (совр. Петропавловка).

При разграблении могилы рабочими в 1889 г. было найдено множество костей, не менее 20 человеческих черепов. При расчистке склепа в 1890 г. найдены еще 6 черепов, обломки амфоры, других черепков, кремня, точильный брусок, четыре золотых и три простых бусины, речная раковина (*Unio Steveniana*), часть фибулы, более 200 чешуек железного панциря, две маленьких тарелочки черной глины и бычья кость.

Вероятнее всего, склеп был сооружен в IV-III вв. до н.э. и затем использовался для «коллективного» погребения в поздескифскую эпоху.

Курган Неаполя Скифского, 1949 г.

Этот курган находился под полотном дороги от городища к алуштинскому шоссе. Он исследовался в 1949 г., а затем в 1956-57 гг. [Бабенчиков, 1957, с. 118-141; Сымонович, 1983, с. 13-14; Черненко, 1968, с. 116, 117]. По мнению исследователей, курган состоял из двух насыпей, высота насыпи 1 м, наибольшая длина 25 м. Курган был обнесен каменной крепидой. Первоначально курган был сооружен над каменным склепом IV в. до н.э., затем в курган были впущены две гробницы в виде грунтовых ям с многочисленными подхоронениями позднескифского времени. Захоронения в кургане более ранние, чем на восточном грунтовом некрополе Неаполя Скифского.

IV. Курганы к югу от Симферополя

Тавельские курганы в имении Ю.П. Попова

В 1897 г. в имении Ю.П. Попова «Тавель» Ю.А. Кулаковским были раскопаны четыре кургана. Два из них содержали «коллективные» захоронения, которые уже неоднократно упоминались в научной литературе [РА ИИМК, ф.1, оп.1, 1897 г., д. 88, л. 41 об.-42 об.; Кашпар, ИТУАК 28, 1897, с. 200-202; Троицкая, 1951, с. 95; Колтухов, 2001, с. 63-64; Пуздровский, 2005, с. 22-24]. В первом из них, расположенном на возвышенности высотой 2 м, была вскрыта каменная гробница почти круглой формы диаметром 3,5 м [ИТУАК, 28, 1897, с. 201] (по другой версии – овальной 3,5 х 6 м [ОАК, 187, с. 37]), свод над ней также был сделан из длинных плит, вся могила была засыпана слоем камней в 0,7 м толщиной. В склеп вел дромос с южной стороны длиной 3,55 м, шириной 0,57 м. В могиле было найдено множество костяков, большинство из которых были обращены головами на север. Ю.А. Кулаковский насчитал более 50 черепов. Среди костяков были найдены скифская лепная битая посуда, а также несколько целых тарелочек, множество разнообразных по цвету и материалу бус. Преобладали бронзовые вещи: браслеты, кольца, серьги, фибулы. Железные вещи плохо сохранились и не описываются подробно Ю.А. Кулаковским. Из золотых вещей оказалась только маленькая нашивная бляшка с тисненным орнаментом, найдено было несколько серебряных колечек и серег.

Около 1 км к югу от этого кургана находились еще три кургана, расположенных треугольником. Они все были раскопаны Ю.А. Кулаковским в этом же году.

Первый из этой группы курган, высотой 1,5 м, имел насыпь, почти целиком состоящую из камней, как и предыдущий описанный курган. Вероятно, это объясняется геологической особенностью, а именно: каменистой поверхностью местности. В центре кургана находилась квадратная гробница со стороной 4 м, глубиной 1,65 м. С южной стороны в гробницу вел дромос, заложенный большими плитами. По дну гробницы костяки лежали в четыре яруса – один над другими, завалившие их камни передавили и перемешали кости. Среди вещей, которые, по мнению Ю.А. Кулаковского, близки к вещам из некрополя Неаполя Скифского, были найдены три бронзовых монеты-подвески, которые, по мнению автора раскопок, могли быть боспорскими по размеру кружков, а на одной, как ему кажется, читается «лицо Савромата» [РА ИИМК, ф.1, оп.1, 1897 г., д. 88, л.42 об.]. Эти монеты позднее были определены как ольвийская III в. до н.э., вторая – как херсонесская [Мосберг, 1946, с.114; Дашевская, 1991, с. 52]. Это погребение датируется II-I вв. до н.э. [Колтухов, 2001, с. 64].

Многие из найденных вещей хранятся в Симферопольском историко-краеведческом музее и опубликованы Т.Н. Троицкой [1957, с. 184-189].

Рядом с предыдущим был раскопан еще один курган, в котором находилась каменная четырехугольная гробница, окруженная большими плитами и покрытая такими же плитами.

Она была полностью разграблена, костяк был только один, кости были разбросаны, а черепа не было. Из вещей остались только несколько разных бус и черепок тарелочки из черной глины [ИТУАК, 28, с. 201-202].

Наконец, четвертый из раскопанных в 1897 г. оказался разграбленным, но в нем тоже была похожая гробница из каменных плит. Возможно, что два последних кургана также содержали коллективные захоронения, но ввиду полного разграбления курганов, об этом можно судить только предположительно [ИТУАК, 28, с. 202].

Еще один курган из этой группы раскапывался Ю.П. Зайцевым и В.И. Мордвинцевой в 2002-2003 гг. Насыпь была возведена еще в эпоху бронзы, курган содержал впускные погребения эпохи бронзы и средневековья. В центре кургана находился впускной каменный прямоугольный склеп (5,5 м x 3,83 м), содержащий более 50 погребенных [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 174, 175]. Датировка «коллективного» погребения I в. до н.э. – I в. н.э.

Локализация этих курганов может быть проведена довольно однозначно, так как в окрестностях Краснолесья (б. Тавель) вообще курганов немного (рис. 10).

Курган на землях П. В. Давыдова

В 1891 г. Н.И. Веселовский раскопал курган близ д. Саблы в имении П.В. Давыдова. Недавно были опубликованы материалы этого кургана, а также дана характеристика погребениям, в нем сделанным [Журавлев, Фирсов, 2001; Колтухов, 2001, с. 62]. В кургане раскопано разграбленное «коллективное» захоронение, которое датируют по-разному: от III-II в. до н.э. [Хазанов, 1960, с. 29, 34] до I-II в. н.э. [Дашевская, 1991, с. 53].

Отметим только кратко, что локализация этого кургана на карте затруднительна, так как ни в архивных данных, ни в публикации нет необходимых упоминаний для обнаружения его на местности. В отчете Н.И. Веселовского есть только самые общие сведения, что курган находится в имении П.В. Давыдова в Саблах, в 15 верстах (примерно 16 км) к югу от Симферополя. Единственное, что можно использовать для локализации, это указание на высоту кургана «в сажень с небольшим». Таких курганов в указанной местности на карте-полуверстке конца XIX в. всего три (рис. 10). Ближайший к имению находится на хребте Белый, в цепочке с другими курганами. Над ними располагаются сразу два позднекифских укрепления: городище и селище Змеиное, которое датируется III-II вв. до н.э. – III в. н.э., и городище-убежище с селищем Таш-Джарган, находящееся на более раннем таврском поселении. Вероятно, данное «коллективное» захоронение относится к одному из городищ.

В имении Давыдова в следующем, 1892 г. был раскопан еще один небольшой курган эпохи бронзы высотой 1,7 м, в котором оказалось четыре гробницы с костяками в скорченном положении и окрашенными охрой [РА ИИМК, ф. 1., оп. 1, д. 13, 1892, л. 26 об., ОАК, 1892, с. 13].

Курганы на землях Н. Н. Гротена

В имении Н.Н. Гротена, в верховьях Салгира, в местности Ени-Сала находятся захоронения в каменных ящиках под небольшими каменными курганами. Особенно их много на краях возвышенного плато, называемого Метерес-Кыр. Это плато помечено на межевом плане, хранящемся в РГАДА (ф. 1354, оп. 478, д. Е4) – см. рис. 37. В 1890 г. Н.И. Веселовским проводились раскопки нескольких курганов, под каменными насыпями которых находились плитовые ящики, а в них – скорченные костяки. Вокруг них возведены были четырехугольные оградки из камней. Эти оградки во времена Гротена активно разбирались на хозяйственные нужды.

Н.Н. Гротен предпринимал попытки раскапывать находящееся здесь же некое укрепление правильной восьмиугольной формы (крепость помечена на межевом плане, см. рис. 37),

Рис. 37. Фрагмент межевого плана 1876 г. имени Нестора Нестеровича и Максимилиана Нестеровича Гротенов Ени-Сала, хранящегося в РГАДА, ф. 1354, оп. 478, д. Е4. Показаны гора Мете-рес Сыр (1) и восьмиугольное укрепление (2) на ней.

а к востоку от него – курган, который шел под распашку. Н.И. Веселовский предпринял исследование кургана, в котором он обнаружил большую каменную плиту, а рядом еще 6 меньших плит. Заложенный раскоп составил 7,5 м x 6,3 м. Здесь под слоем камней была обнаружена шестигранная тумба, сужающаяся к одному концу, высотой 0,35 м. Далее находились три гробницы, две земляные и одна каменная, а затем еще семь гробниц, окружавших центральную. Основная гробница, длиной 2,1 м, была составлена из плит и обложена камнем, среди которого найдено 3 железных наконечника копий. В гробнице обнаружен деревянный гроб с медным крестом наверху. Под крестом находились остатки кожи. Костяк лежал на спине, головой на запад. На нем находились пряжка у пояса и бронзовые пуговицы. Все скелеты в прочих могилах лежали головами на запад, в некоторых могилах было по два и по три скелета, в одной было три детских черепа [РА ИИМК, ф. 1, 1890, д. 48, лл. 36 об. - 37, ОАК, 1890, с. 11-12]. Погребение, очевидно, средневековое.

В 1994 г. Крымской охранной экспедицией под руководством С.Г. Колтухова был раскопан курган на северной окраине с. Чистенькое в 7 км к югу от Симферополя, между железной дорогой и шоссе Симферополь–Севастополь [Колтухов, Тошев, 1998, с. 40-51; Зайцев, Колтухов, 2004]. Высота кургана 3,5 м. Основное погребение эпохи бронзы. Одно из впускных захоронений является воинским погребением, которое датируется по разному: III в. до н.э. [Храпунов, 2004, с. 102], вторая половина или вторая-третья четверть II в. до н.э. [Зайцев, 1999, с. 141, 144], конец II в. до н.э. – начало I в. до н.э. [Колтухов, 1997, с. 155]. Еще одно захоронение, полностью разграбленное, содержало кости человека и лошади.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I – Запорожье. 1999
Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора. Книга II. – Запорожье. 2001.
Андрух С.И., Тоцев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга III. – Запорожье, 2004.
Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя-Скифского. // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 91-118.
Белов А.Ф., Ляшко С.Н. Об одном из аспектов возникновения курганного погребального обряда степей Восточной Европы // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. 1991.
Бекетов А.Н. География растений: Очерк учения о распространении и распределении растительности на земной поверхности с особым прибавлением о Европейской России. СПб.: Типография В. Демакова, 1896.
Бильде П. Гульдагер, П. Аттема, С.Б. Ланцов, Т.Н. Смекалова, В.Ф. Столба, Т. де Хаас, С. Хандберг, К. Винтер Якобсен. Джарылгачский исследовательский проект. Результаты сезона 2007 г. // «Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок». Санкт-Петербург. 2007. Материалы международной научной конференции. С. 107-118.
Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии (по материалам новостроечных исследований от Приазовья до Днепра). СА. 1990. № 4, с. 30-44.
Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. К вопросу о локализации гавани Кремны. Скифы Северного Причерноморья. Киев: «Наукова Думка», 1987. С. 40-48
Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии в IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskego*. Krakow, 2004. с. 85-91.
Бунытия Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э. К. 1985.
Бунытия Е.П. Класифікація та типологія скотарства // Теорія та практика археологічних досліджень. К. «Наукова Думка», 1994.
Былькова В.П. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: Издательство ХГУ. 2007.
Веселовский Н.И. Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок. // Труды XIV Археологического съезда, 1911.
Высоцкая Т.Н. Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр. Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, «Наукова думка», 1968. с. 113-114.
Гаврилов А.В., Крамаровский М.Г. Курган у с. Кринички в Юго-Восточном Крыму // Боспорские исследования. Вып. 1. Симферополь, 2001.
Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь, 2004.
Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. К. 1999.
Граков Б.Н. Скифы. М. 1971.
Граков Б.Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов. М. 1930. т. 5.
Граков Б.Н. Губалкократороуцевои. (Пережитки матриархата у сарматов). ВДИ. 1947, № 3, с. 100-121.
Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. 1950.
Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. Свод археологических источников (САИ) Д1-7. М., 1991 г.
Докучаев В.В. Русский чернозем. СПб., 1883.
Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь. СПб., 1892.
Древности, изданные временною Комиссиею для разборки древних актов. К. 1846.
Евдокимов Г.Л., Фридман М.И. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Скифы Северного Причерноморья. К. 1987.

Боспорские исследования, вып. XXI

- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И.* Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. К. 1991.
- Ельницкий Л.А.* Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- Журавлев Д.В., Фирсов К.Б.* Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму. Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ, вып. 118, М. 2001. с. 223-229.
- Забелин И.Е.* Скифские могилы. Чертомлыцкий курган // Древности. Труды Московского археологического общества. М. 1865, т. 1.
- Зайцев Ю.П.* The ceramic complex of the Scythian fortress Ak-Kaja 4th to 1st century BC. Доклад 29.11.08. на семинаре «Pottery, People and Places: Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery», 27-30 November, 2008, Aarhus-Sandbjerg.
- Зайцев Ю.П.* Скилур и его царство. (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. №2, с. 127-147.
- Зайцев Ю.П., Мордвищева В.П.* Варварские погребения Крыма 2 в. до н.э. – 1 в. н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004, с. 174-204.
- Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г.* Погребение воина у с. Чистенькое. Боспорские исследования, т. VII, с. 242-259.
- Зубарь В.Н., Зинько В.Н.* Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории. Симферополь-Керчь. 2006.
- Зябловский Е.Ф.* География Российской империи, СПб., 1831
- Измаильский А.А.* Как высохла наша степь. Полтава. 1893.
- Измаильский А.А.* Влажность почвы и грунтовая вода в связи с рельефом местности и культурным состоянием поверхности почвы, Полтава, 1894
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия. VII-IV вв. до н.э. Киев: «Наукова думка», 1983 г.
- Кашиар А.О.* Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Н.И. Веселовским в 1895 г. ИТУАК 24, 1896.
- Кламм М., Фиброк Г., Мейер Б.* Почвоведческие исследования скифского кургана Чертомлык // Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. К. 1991.
- Колотухин В.А.* Киммерийцы и скифы степного Крыма. Симферополь. 2000.
- Колотухин В.А., Тоцев Г.Н.* Курганные древности Крыма. Ч. III, Запорожье, 2000.
- Колотухин В.А., Колтухов С.Г.* Скифский курганный могильник у с. Братское в степном Крыму. Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XIV, Запоріжжя. 2007, с. 94-109
- Колтухов С.Г., Вдовиченко И.И.* Два кургана в междуречье Альмы и Качи. Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1, 1997, с. 4-24.
- Колтухов С.Г.* «Золотой» Симферопольский курган. Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999, с. 7-20.
- Колтухов С.Г.* О крымских курганах с «коллективными погребениями». Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ, вып. 118, М. 2001. с. 59-70
- Колтухов С.Г.* Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника. Древности Боспора, № 9, с. 228-259.
- Краснов А.Н.* Травяные степи северного полушария. М., 1893.
- Кропотов В.В., А.М. Лесков.* Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. 2006. №84. С. 25-39
- Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М. «Наука». 1975.
- Кузьмина Е.Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 52-65.
- Курочкин Г.И.* Гипотетическая реконструкция погребального обряда скифских царей VIII-VII вв. до н.э. и курган Аржан (к проблеме происхождения скифов). Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980, с. 105-117.
- Курочкин Г.И.* «Царские» курганы европейской и азиатской Скифии (сравнительный анализ и возможность исторических реконструкций). Социогенез и культуригенез в историческом аспекте. СПб., 1991, с. 18-22.

Смекалова Т. Н. Курганы в ландшафте Северного ...

- Кутайсов В. А.* Караджинское городище в северо-западном Крыму. Историческое наследие Крыма. № 5, с. 5-15.
- Латьшев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. 1893, т. 1.
- Лесков О.* Скарби курганів Херсонщини. К., 1974.
- Лесков А. М.* Курганы, находки, проблемы. Л., 1981.
- Макаренко Н. Е.* Первый Мордвиновский курган. 1916.
- Манцевич А. П.* Ритон из Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев. 1957, с. 155-173.
- Марченко И. Д.* Поздээрхаическая мастерская ремесленника в Пантикапее. СА, 1971. № 2, с. 153-154, рис. 2,4.
- Масленников А. А.* Скифы на Боспоре в III-I вв. до н.э. // Скифия и Боспор. Новочеркасск 1993, с. 58-68
- Масленников А. А.* Древние греки в Крымском Приазовье. ВДИ, 1994. № 2 с. 78-93.
- Масленников А. А.* Каменные ящики Восточного Крыма. (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI-I вв. н.э.). Боспорский сборник, № 8. М., 1995.
- Масленников А. А.* Эллинская хора на краю ойкумены. М. 1998.
- Мозолевський Б. Н.* Товста Могила. К. 1979.
- Мозолевський Б. Н.* К вопросу о Скифском Герросе // СА. 1986. №2.
- Мозолевський Б. Н.* Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія, 1990. №1, с. 122-138.
- Мозолевський Б. Н., Полин С. В.,* Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. К.: Издательство «Стилос». 2005.
- Молев Е. А.* К вопросу об уплате боспорскими царями дани варварам // Античная гражданская община. Л. 1986, с. 176-189.
- Мордкович В. Г.* Степные экосистемы. Новосибирск. 1982.
- Мосберг Г. И.* К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма. СА 1946, № 8.
- Мурзін В. Ю., Ролле Р.* Основні підсумки сучасного дослідження кургану Чортомлик // Археологія, 1989. №1.
- Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. К.: «Наукова думка». 1990.
- Ольговський С. Я.* Обробка міді і бронзи у нижньому побужжі та лесостеповій Скіфії в VI-V ст. до н.е. Стародавнє виробництво на території України. Київ. 1992. С. 72-78.
- Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII — III вв. до н.э.). М. 1991.
- Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: «Наука». 2005.
- Острроверхов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов. ВДИ, 1973, с. 115-126.
- Пачоский И. К.* Причерноморские степи (ботанико-географический очерк) // Записки общества сельского хозяйства Южной России, № 7—9. 1908.
- Пачоский И. К.* Описание растительности Херсонской губернии. Т. П. Херсон, 1917.
- Подгородецкий П. Д., Щепинский А. А., Шумская А. Л.* Природа Крыма и ее освоение в эпоху энеолита (опыт историко-ландшафтного анализа). Физическая география и геоморфология. Вып. 30. Киев. Из-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 1983. С. 57- 65.
- Подгородецкий П. Д., Щепинский А. А., Шумская А. Л.* Природа Крыма и ее освоение в эпоху бронзы (опыт историко-ландшафтного анализа). Физическая география и геоморфология. Вып. 31. Киев. Из-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 1984. С. 95-102.
- Подгородецкий П. Д.* Северо-Западный Крым. Симферополь: «Таврия». 1979.

Боспорские исследования, вып. XXI

- Полин С.В.* От Скифии к Сарматии. К. 1992.
- Пуздровский А.Е.* Крымская Скифия. II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: «Бизнес-Информ». 2007.
- Ратнер I.Д.* Картографічні матеріали як джерело для обліку курганів. Археологія, 1971, № 4, с. 99-100.
- Рогов Е.Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., Алтай, 2005, с. 170-180.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. 1925.
- Рубан В.В.* О датировке Ягорлыцкого поселения. Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев. 1980. С. 104-114.
- Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы. М.-Л. 1952.
- Руденко С.И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л. 1960.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.,* Технология древнейших производств. Мезолит-энеолит. Л. 1983.
- Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л., Мьц В.Л., Колтухов С.Г.* Магнитометрия курганов греко-варварской и скифской знати в Крыму. В кн.: Археологические исследования на Украине в 1997-1998. К., 1999, с. 177-182.
- Смекалова Т.Н.* Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский полуостров). Древности Боспора. № 10. Москва, 2006, с. 389-415
- Смекалова Т.Н.* Русские топографические карты XVIII-XX веков как источник по изучению археологических памятников Западного и Восточного Крыма. Боспорские исследования, № 17, Керчь, 2007а, с. 78-111.
- Смекалова Т.Н.* Организация земельных пространств в Керченском Приазовье. Древности Боспора. № 11. Москва, 2007б, с. 292-319.
- Смекалова Т.Н., О. Восс, Мельников А.В.* Магнитная разведка в археологии. СПб, Из-во Политехнического университета. 2007.
- Смекалова Т.Н.* Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. Постановка задачи. Древности Боспора. № 12. Москва 2008а. с. 230-256.
- Смекалова Т.Н.* Курганы в Западном Крыму. Боспорские чтения, № IX, Керчь, 2008б, с. 290-299.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М. 1964.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: «Наука». 1984.
- Соломоник Э.И.* Два античных письма из Крыма // ВДИ, 1987, №3, с. 114-131.
- Стицын А.А.* Археологические раскопки. СПб. 1910.
- Стацук М.Ф., Супрычев В.Л., Хитрая М.С.* Минералогия, геохимия и условия формирования донных отложений Сиваша. Киев. 1964.
- Столяр А.Д., Щепинский А.А.* Археологические памятники Симферопольского водохранилища. Часть I // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980 г., с. 81-93.
- Столяр А.Д., Щепинский А.А.* Курганы у Симферопольского водохранилища. Часть II // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981 г., с. 34-50.
- Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства. Киев. 1983.
- Тереножкин А.И.* Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА АН УССР. К. 1955, №5.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. К. 1988.
- Тохтасьев С.Р.* Scythica в Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1984. № 3.
- Тохтасьев С.Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.
- Тоцев Г.Н., Самар В.А.* Исследование курганного могильника эпохи бронзы на Херсонщине // Древности Степного Причерноморья и Крыма. I. Запорожье. 1990.
- Троицкая Т.Н.* Скифские курганы Крыма. Известия Крымского отдела Географического общества Союза ССР. Вып. 1, 1951, с. 85-112.

Смекалова Т. Н. Курганы в ландшафте Северного ...

- Троицкая Т.Н.* Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев. 1957, с. 174-189.
- Фиалко Е.Е.* Аттический кратер как символ скифского номарха // *Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Ksiega poswiecona pamieci profesora Tadeusza Sulimirskego.* Krakow, 2004. № 149-160.
- Формозов А.А.* Материалы к изучению искусства эпохи бронзы Юга СССР. СА, 1958, № 2, с. 137-142.
- Фридман М.И.* Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине. // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. К. 1987.
- Хазанов А.М.* Скифские коллективные погребения в Крыму. // Сборник студенческих докладов на V Всесоюзной археологической конференции. М. 1960, с. 28-36.
- Хазанов А.М.* Эпоха древних кочевников в евразийских степях. Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1975, с. 23-25.
- Хазанов А.М., Шкурко А.И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976. С. 40-51.
- Храпунов И.Н.* Поздние скифы на Днепре и в Крыму. Диссертация канд. ист. наук. М. 1987. 189 с.
- Храпунов И.Н.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования. Т. VI. Керчь, 2004.
- Черненко Е.В.* Скифский доспех. Киев. 1968.
- Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев. 1986 г.
- Черненко Е.В.* Скифо-персидская война. К.: «Наукова думка». 1984.
- Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, «Наукова думка». 1981.
- Черников С.С.* К вопросу о классообразовании у кочевников. Проблемы советской археологии. М. 1978. с. 73-80.
- Эверсманн Э.А.* Естественная история Оренбургского края. Оренбург. 1840 г., часть 1. (Вступление в подробную естественную историю Оренбургской губ. или общий взгляд на край Оренбургский в отношении к произведениям природы). - Оренбург. (Пер. с нем. В. Даля).
- Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. 1976. С. 128-137.
- Smekalova T., O. Voss, S. Smekalov, V. Myts, S. Koltukhov.* Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmark and Crimea. *Geoarchaeology.* 2005. Vol. 20, No. 5, p. 461-482.

T.N. Smekalova

TUMULI IN THE NORTH PONTIC AREALANDSCAPE

I. Piedmont Crimea

Summary

The article is devoted to the problem of appropriateness of territorial and chronological spreading of tumuli in the steppes of the north Pontic area. The main scientific method revealed tumuli on detailed maps, on a half verst scale military map of the close of the 19th century.

Natural peculiarities of steppes determining way of life and occupation of the peoples who lived in steppes are observed. Common questions concerning the reasons of creating of tumuli, the process of building them, natural materials that were used, dimensions of barrow mounds, labour resources spent for constructing are touched upon.

The map of over 15,750 tumuli in the Crimea has been made for the first time in the Crimea. Three regions are notable for their higher concentration of tumuli if to be compared to the other regions of the peninsula. These are the regions of (1) the Kerch Peninsula, (2) Tarkhankut and (3) piedmont Crimea. High concentration of tumuli in first two regions can be explained. They were left by settled Scythians for the most part. That process was influenced by Greek centres. Burial constructions are crypts and boxes with repeated nonsynchronous burials.

Combined analysis of the map of allocation of tumuli in the Crimea, archive and published archaeological and cartographical materials, observation on location give grounds to conclude the processes of settling of the Scythians in eastern, north-western and piedmont Crimea followed different paths. Most probably the area of piedmont Crimea was the territory where nomadic «Kingly» Scythians roamed.